

Искорка
12 1973

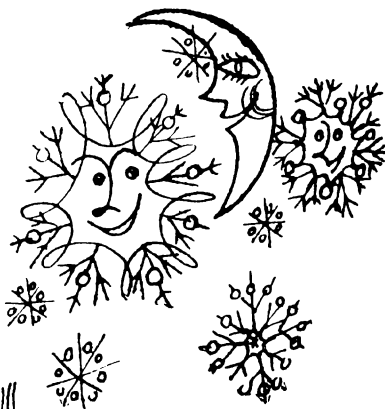

ДЕКАБРЬ ● 1973

год издания XVII

ЕЖЕМЕСЯЧНИК
газеты
и Ленинские
искорки»,
орган
Ленинградского
Обкома и
Горкома
ВЛКСМ,
Ленинградского
Совета
пионерской
организации
имени
В.И. Ленина

Василий ФЕТИСОВ

Снегопад

Прямо с неба,
прямо в сад
мухи белые летят,
на окно моё садятся,
молча в комнату глядят.

А из комнаты
тепло
подышало на стекло.
Муха к мухе
еболь стекла
вниз на капле потекла.

Пошептались,
задрожали,
две слезинки побежали.
— Пожалей ты нас,
тепло,
не дыши ты на стекло,
мы же льдинки,
мы растаем...

Дунул ветер...
— У-
ле-
та-
ем!...

Завьюжило.
Запуржило.
Мух по кругу
закружило.

Над землёю —
снегопад!
Белый — город!
Белый — сад!

Рис. Ю. Бочкарёва

РАССКАЗЫ БЫВАЛОГО ЧЕЛОВЕКА

Когда я пришёл на Акулинину гору, Сиракузовы уже были там. Они прохаживались перед самым обрывом, и я подумал, что, может быть, вот такие же типы убили поэта Лермонтова.

— Явился, — сказали они мне.

— Явился, — сказал я.

Окончание. Начало в «Искорке» № 7, 8, 9, 10, 11.

После воскресной победы (мы победили в двух видах: метание гранаты — дядя Борис, бег на шестьдесят метров среди девочек — Вера) я чувствовал себя более уверенно.

Сиракузовы переглянулись. В отличие от убийц Лермонтова, они, вероятно, не знали, что делать дальше.

— Ну, где твои угрозы? — спросили они. — Свет ты нам выключил? Не выключил. В травматологическом пункте нас приняли? Приняли. И позавчера нас дядя Борис на машине катал.

— Вы свои угрозы тоже не выполнили, — сказал я.

— Мы?!

— Вы. На лодочную станцию и в кино нас не из-за вас не пустили. А в парикмахерскую я могу пойти хоть сейчас...

Они молчали. И я молчал.

Вдруг они медленно начали ко мне приближаться.

— Стойте! — сказал я.

Но они продолжали приближаться. И тогда я вытащил из кармана пистолет!

— Ну, вот что, — сказал я. — Видите этот пистолет? (Они видели.) Он заряжен фиолетовыми чернилами. А фиолетовые чернила, это вы сами знаете, не смываются...

— Убери пистолет! — сразу сказали Сиракузовы. И, когда я сделал попытку убрать, бросились на меня.

Первым же ударом я свалил Петра Сиракузова, вторым ударом Павел свалил меня.

— Ну, получил? — спросили меня Сиракузовы.

И уже хотели облить меня, лежавшего, из моего же пистолета, как вдруг мы услышали знакомый голос.

— Стойте! — сказал этот голос.

В двух шагах от себя мы увидели Веру. В руках у неё были мамины ножницы, и она угрожающе ими щёлкала возле своей головы.

— Ещё одно движение, — сказала Вера, — и...

И я, и Сиракузовы, вероятно, одновременно вспомнили про Акулину, которая предотвратила однажды драку между

Лапиными и Сиракузовыми на этой горе. Но то была прекрасная Акулина, а тут перед нами стояла Вера. И я не надеялся, что она точно так же подействует на Сиракузовых.

— Обожди, — поспешно вдруг сказали Сиракузовы.

Вероятно, им всё-таки не хотелось, чтоб Вера отрезала себе косы.

— Обожди, — снова повторили они и бросили пистолет.

Я протянул к нему руку, но Вера резко сказала:

— Не поднимай!

И опять угрожающе щёлкнула ножницами.

Я поспешно отёрнул руку.

Так мы стояли некоторое время, рассматривая Веру.

И тут, откуда-то из кустов, послышалось мягкое и хриплое «мяу».

Мы обернулись и увидели нашего кота Кирюшу. Он шёл к нам, подняв хвост трубой, а за ним шло ещё какое-то рыжее создание.

— Вот вам ваш Кирюша, — сказали Сиракузовы.

— А сзади-то, сзади кто? — изумлённо спросила Вера.

— Друг, наверно, — ответили Сиракузовы.

Вера критически оглядела Кирюшиного друга и взяла Кирюшу на руки.

— Подержите ножницы, — сказала она Сиракузовым.

— Это ваши ножницы, — передавая их мне, сказали Сиракузовы.

Мы обступили Веру и Кирюшу.

— Так вот он где пропал, — сказала Вера.

Кирюша тёрся о Верину руку, изредка бросая тёплые взгляды на своего приятеля.

— А знаете что, — предложили вдруг Сиракузовы, — мы заберём Кирюшиного друга к себе. Пусть они ходят друг к другу в гости. Так им будет ближе.

И, не дожидаясь нашего согласия, поймали рыжего и посадили в пиджак.

— Между прочим, — сказал я, — кресало нашлось... —

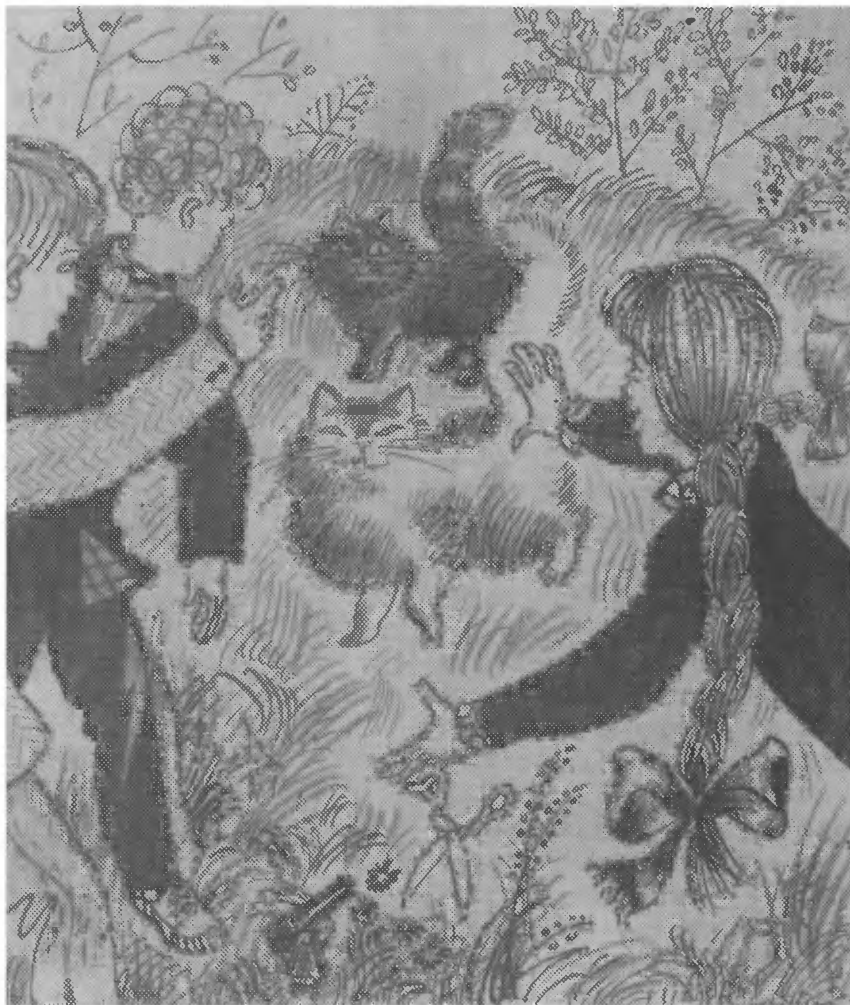
И виновато поглядел в сторону.

— Ясное дело, у нас нашлось? — ответили Сиракузовы.

— Нет, — сказал я, — отец брал его с собой.

Сиракузовы посмотрели на меня уничтожающе и молча взялись за пиджак.

Когда мы спустились с Акулининой горы и вошли в город, увидели Ферапонта Григорьевича: он шёл по улице и, ниче-

го не замечая вокруг, читал газету. Под мышкой у него была ещё пачка газет. И мы сначала даже подумали, что он по совместительству стал работать ещё и почтальоном.

— Ферапонт Григорьевич! — позвала его Вера.

Он поднял голову, и мы увидели, что лицо у него совершенно отрешённое.

— Большие новости, ребята, — сказал он. — Меня напечатали.

— Где? — спросила Вера.

— В газете. Давайте завернём куда-нибудь и сядем.

Мы завернули в сквер.

— Почитать вслух? — спросил Ферапонт Григорьевич.

— Мы сами, — сказали Сиракузовы.

Пока мы читали, Ферапонт Григорьевич задумчиво разглядывал рыжего кота.

Собственно, я уже знал эту историю: это была история про банку Лафонтена. Только в газете она имела ещё подзаголовок: «Рассказы бывалого человека».

Я был так рад за Ферапонта Григорьевича, будто это я сам напечатался в газете.

— Ну? — наконец спросил он.

— Это неправда, — мрачно ответили Сиракузовы и строго посмотрели на Ферапонта Григорьевича.

Тот печально и приветливо улыбнулся. Даже снял фуражку и провёл рукавом по козырьку.

— А ты, Вера?..

— Это сказка, — сказала Вера.

Ферапонт Григорьевич надел фуражку.

— Это почти правда, — сказал он. — Некоторые ещё называют это художественным вымыслом... Поздравляю тебя, Кирюша, с возвращением домой.

После чего забрал у нас обе газеты, сунул их в пачку и, улыбаясь чему-то, пошёл к автобусу.

ИНСПЕКТОР

Как молодого педагога Михайлу Михайловича часто навещали инспектора. Вероятно, они думали, что Михайла Михайлович с нами не справляется, но он вполне справлялся.

Поэтому, когда Михайла Михайлович сказал: «Ребята, сегодня на третьем уроке будет присутствовать инспектор. Так что, учтите это», — мы посоветовали:

— А вы вызывайте только отличников. Или хороших учеников. Тогда никакой инспектор не подкопается...

— Это порочная практика, — сердито ответил Михайла Михайлович. — И мы её придерживаться не будем. Я буду вызывать всех подряд. Я ещё вчера знал про инспектора, но предупредил сегодня, чтобы вы не очень расслаивались в столовой. А то, я знаю, некоторые из вас любят являться с пирогом в зубах.

На третьем уроке нас действительно посетил инспектор. Это был бодрый, весёлый старичок, который всё время улыбался и нам, и Михайле

Михайловичу и делал какие-то совершенно секретные записи в своем блокнотике. А когда Михаила Михайлович, спросив семь человек, поставил три «двойки» и три «пятёрки», тут уж старичок до самого звонка не переставал улыбаться.

«Радуетя «двойкам», зло-вредина», — думали мы.

И тут старичок поднял руку.

— Пожалуйста, — несколько опешив, сказал ему Михайла Михайлович.

Старичок встал.

— Я вот что хочу узнать, — сказал он. — Как вы тут, живя в Монетке, относитесь к своему городу?

— Хорошо относимся, — заверили Сиракузовы.

— Доказать это надо, доказать, — сказал старичок Сиракузовым. — Я вот тут был у ваших соседей, в Приваловске. Тоже, говорят, хорошо относятся к своему городу, а знать ничего про свой город не знают...

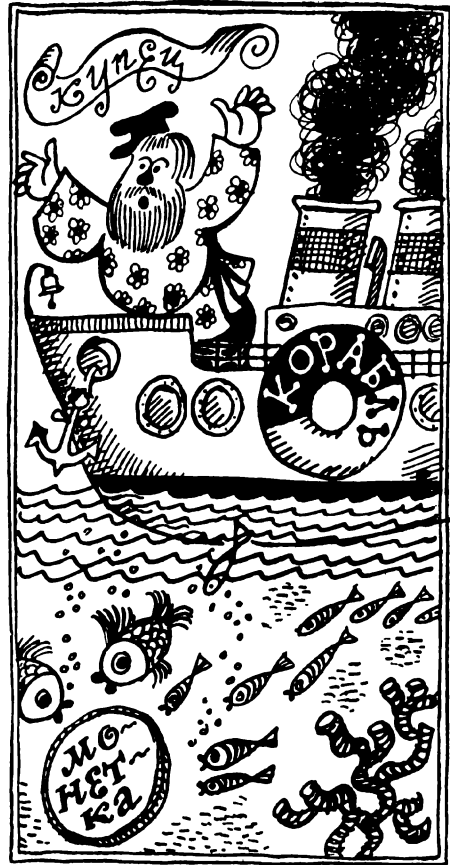
— Ну то в Приваловске, — ответили Сиракузовы. — Мы-то знаем про свой город...

— Например? — подбодрил старичок Сиракузовых.

— Ну хотя бы, почему Акулинина гора называется Акулининой или когда образовался наш город и почему называется он Монеткой...

Услышав, что Сиракузовы знают, почему наш город называется Монеткой, Михаила Михайлович заметно побледнел.

— А ну? Почему? — заинтересованно спросил инспектор.

Павел Сиракузов набрал побольше в рот воздуха и начал:

— Давным-давно это было. Ехал купец на корабле и обронил в море монетку. А больше монеток у него не было. Тогда он слез с корабля и всю свою жизнь осушал море. Так возник наш город Монетка, и вот почему вокруг нашего города нету ни одного болота...

— Так. Очень хорошо. А кто же придумал эту легенду? — с интересом спросил инспектор.

— А вот его сестра Вера придумала, — вздохнул Павел. Инспектор записал что-то.

Из класса Михаила Михай-

лович и инспектор вышли вместе.

— Должен вам сказать, товарищ инспектор, — смущённо начал Михайла Михайлович, но инспектор перебил его:

— Ну что вы, голубчик!.. Понимаю: нету такой легенды. Они её сами придумали. Но ведь придумали! — Он засмеялся. — И это мне, честное слово, нравится!..

ИДЕЯ

Когда мы возвращались из школы, я спросил Сиракузовых:

— Знаете, сколько у Ватникова и Матвеева родственников?

— Ну? — без всякого интереса спросили Сиракузовы, которые всё ещё были целиком и полностью поглощены разговором с инспектором.

— У одного — семьдесят два, а у другого — сто двенадцать!

Но это не произвело на Сиракузовых никакого впечатления.

— У нас не меньше, — сказали они.

— Сколько — не меньше? — не отступал я, убеждённый заранее, что они этого не знают.

— А ты думаешь, мы их считали? Мы их сосчитаем, когда они приедут к нам на летние каникулы.

Я ошеломлённо посмотрел на Сиракузовых.

— Кто приедет? Когда? Опять врётё?

Сиракузовы переглянулись.

— А пусть они и в самом деле приедут! — обрадованно

заговорили они. — Надо только послать письма...

— Да вы знаете, сколько нужно посылать писем?

— Ну, сколько? — спросили Сиракузовы.

— Двести семнадцать! Где мы столько марок возьмём?

Некоторое время Сиракузовы изумлённо молчали, привыкая к этому числу.

— А ты точно знаешь, что двести семнадцать? — наконец спросили они.

— Точно. С Ферапонтом Григорьевичем подсчитывали. На счётах.

Неожиданно Сиракузовы блаженно улыбнулись:

— Без марок пошлём. Узнаем адреса и пошлём.

В тот же день мы составили текст письма. Вере только надлежало переписать его тридцать четыре раза грамотно под копиру. Потому что, сгруппировав родственников по территориальному признаку, мы решили посылать приглашение только самым главным, а уж те должны были передать это приглашение всем остальным.

Вот что это было за приглашение:

«Уважаемый товарищ! В связи с тем что Сиракузовы и Лапины отмечают нынче трёхсотдвадцатипятилетие своей фамилии, приглашаем Вас и всех других известных Вам родственников на общий сбор. Сбор состоится 1 июня 1974 года. Организационный комитет».

ЗАСТРЕЛЬЩИКИ СИРАКУЗОВЫ

Утром, после перерыва, вызванного ссорой, мы опять пошли вместе с Сиракузовыми.

— Сегодня мы всю ночь не спали, — сообщили нам Сиракузовы.

— А что? — спросила Вера.

— Думали, — ответили Сиракузовы. — Музей открывать надо, вот что, — сказали Сиракузовы.

Мы с Верой даже остановились. О возможности открыть свой собственный музей мы с Верой никогда не думали.

— А то что получается? — продолжали Сиракузовы. — Приезжий человек Михайла Михайлович пишет книгу, думает, а мы про наш город совершенно не думаем...

— Да ведь у нас экспонатов нету, — сказала Вера.

— А кресало? — сказал я. — Его любой музей возьмёт!..

— Может, и возьмёт, — сказали Сиракузовы, — только давайте что-нибудь другое поищем.

И тут мне пришло в голову:

— Есть другое, есть! — сказал я. — Марка!

И объяснил про марку банки Лафонтена, которую получил от Ферапонта Григорьевича.

— Ну вот, один экспонат уже есть, — сказали Сиракузовы.

И застенчиво добавили, что хотели бы найти ещё одну царь-пушку и хотя они понимают, что другой такой пушки нет, но всё-таки... Она им очень нравится.

— Нет, с пушкой ничего не выйдет, — сказала Вера. — Она стоит в Москве, и всего одна.

— Мы знаем, — печально сказали Сиракузовы.

И тогда мне захотелось хоть как-то подбодрить их.

— Нету пушки, найдём рыцаря! — сказал я.

— Какого рыцаря? — оживились Сиракузовы.

— С конём, — сказал я.

— Нет, — печально ответили Сиракузовы, — их почему-то всегда в болотах находят, а у нас болот даже нету...

Мы всё шли и шли, а Сиракузовы становились всё печальнее и печальнее, и мы просто не знали, что с ними делать. И тут Вера сообразила, чем можно расшевелить Сиракузовых: она сказала, что хо-

рошо бы найти столько экспонатов, чтобы они сначала заняли весь класс, потом все коридоры, а потом и всю школу.

— А учиться где будем? — уже не так уныло спросили Сиракузовы.

— А нам другую школу построят, — ответила Вера. — А до тех пор каникулы сделают.

— Во! — сразу оживились Сиракузовы. — Хорошо бы!

Вот они какие были, эти Сиракузовы: ещё месяц в школе не проучились, ещё ни одного экспоната не нашли, а уже думали про перерыв!

Но в школу-то они пришли в более хорошем настроении.

После пятого урока Михайла Михайлович сказал нам:

— К завтрашнему дню принесите с собой ведра и тряпки. Вы, Сиракузовы, ведра, а вы, Ватников и Лапин, тряпки.

— Всё ясно, — сразу сказали Сиракузовы, — опять генеральная уборка...

Но Михайла Михайлович с сожалением посмотрел на них и сказал:

— Эх, какие вы всё-таки без полёта люди, Сиракузовы. «Генеральная уборка»... Музей открывать будем!

— Как? И вы тоже?! — спросили Сиракузовы.

Михайла Михайлович на них удивлённо уставился, а я закричал:

— Да ведь Сиракузовым это давно пришло в голову! Когда мы ещё только шли в школу, они уже об этом говорили!

— Да? — ещё больше удивился Михайла Михайло-

вич. — Значит, нам одновременно пришло в голову, и я вас напрасно обругал. Выходит, вы застрельщики...

— Конечно, застрельщики, — сказали Сиракузовы.

ЭКСПОНАТЫ

Чулан, который нам выделили под музей, мы быстро привели в порядок. Теперь дело было за экспонатами.

По мнению Михайлы Михайловича, первая группа экспонатов должна была представлять доисторическое прошлое нашего города, не зафиксированное никакими письменными документами, поскольку никаких письменных документов в то время ещё не было, — нам надо было узнать, что было прежде на месте нашего города: море, озеро или тропический лес.

Второе. Первые письменные упоминания о нашем городе. Какие были развиты ремёсла. Как развивалась торговля. С кем воевал и от кого защищался наш город (городской архив, исторические свидетельства, иные источники).

Третье. Татаро-монгольское нашествие. Хан Батый и неподатливая Монетка (городской архив, исторические свидетельства, другие источники).

Четвёртое. Лжедимитрий и отношение простых монеткинцев к Лжедимитрию (городской архив, исторические свидетельства, другие источники).

Пятое. Петровское время (по материалам городского архива, другим источникам,

инвентарным книгам бабушки Василисы).

Шестое. Недавнее прошлое и теперешнее настоящее нашего города. Участие в революционном движении. Великая Отечественная война. Послевоенное развитие. Замечательные люди нашего города (материалы городского архива, газеты, свидетельства очевидцев, документы и реликвии, полученные в дар от горожан, инвентарные книги бабушки Василисы).

Седьмое. Будущее нашего города (по материалам архитектурной мастерской тётки Розы).

— Конечно, легче искать материалы о теперешнем настоящем нашего города, — сказал Михайла Михайлович. — Они есть практически в каждом доме. Труднее с недавним прошлым. Известно, например, что наш механический завод был в начале века маленьким кустарным предприятием и выпускал граммофоны, а теперь что выпускает?..

— Веялки и сеялки, — сказали Сиракузовы.

— Вполне современные, — подчеркнул Михайла Михайлович. — Вот бы и найти такой граммофон и поместить рядом с фотографией современной сеялки... В общем, работы хватит. И постепенно все разделы нашего музея заполнятся. Ну, кто что себе выберет? — спросил Михайла Михайлович. — Кто за что будет отвечать?

Нам с Сиракузовыми очень хотелось отвечать за замеча-

тельных людей нашего города.

— Жребий нужно кинуть! Жребий! — заорали Сиракузовы.

Кинули жребий.

Нам выпало отвечать за недавнее прошлое нашего города.

— Ну всё. Граммофон искать будем, — мрачно сказали Сиракузовы.

ДЯДЯ БОРИС ВЗРЫВАЕТ СИРАКУЗОВЫХ ИЗНУТРИ

Но во вторник вечером настроение заметно улучшилось. Я это понял сразу, едва они стукнули по забору палкой.

— Ну, — сказали Сиракузовы, — теперь, оказывается, многие ищут граммофоны.

В руках у них был мешок и ещё нечто вроде багра.

— Кто — многие? — спросил я, думая, зачем им мешок и багор.

— Ну, все историки-исследователи, — сказали Сиракузовы, — если они занимаются недавним прошлым своего города. И, знаешь, где они их ищут?

— Где? — спросил я.

— На свалке! — торжественно сказали Сиракузовы. — Потому что некоторые дураки их туда выбрасывают, а они...

— Ну да. Конечно, — сказал я. — Некоторые дураки выбрасывают, а другие ищут! За кого вы меня принимаете, Сиракузовы?

— Да честное слово! — Они прямо чуть не плакали. — Мы

бы сами не поверили, если бы не прочитали. На вот, читай...

Они протянули мне журнал (это был «Юный техник»), и я, всё ещё сомневаясь, прочитал:

«С большей вероятностью можно предсказать сегодня находку древнего корабля викингов, чем первой пишущей машинки, которая появилась, как известно, всего восемьдесят — девяносто лет назад. Но

специалистов, занимающихся историей развития современной техники, интересует сегодня и обычная пишущая машинка. Кому-то пришла в голову счастливая мысль позвать на помощь археологов. И археологи, к удивлению специалистов, обратили свои взоры на городские свалки. По их мнению, там можно было найти интересные исторические экспонаты. И действительно: пер-

вые же поиски дали удивительные результаты: был найден первый эдисоновский фонограф, первые радиолампы, образцы первых пишущих машинок, граммофонные записи с голосами знаменитых певцов начала века и даже прадедушка современных автомобилей — самодвижущаяся коляска...»

Я посмотрел на Сиракузовых.

— Ну, понял теперь? — спросили Сиракузовы.

Я понял.

И тогда, сунув багор в мешок, мы отправились на городскую свалку.

Но мы так и не дошли до места наших предполагаемых раскопок, потому что увидели дядю Бориса, который сидел на крылечке тёти Галининого дома и, привалившись плечом к столбику, спал. Борода его покоилась на большой охапке цветов. Я узнал эти цветы: они были из бабушки Василичиного огорода.

— Спит! — приглядевшись, ахнули Сиракузовы.

«Будем взрывать», — вспомнил я, хотя цветы совсем не подходили на бомбу.

Между тем заинтересованные Сиракузовы отложили мешок в сторону и начисто забыли про раскопки.

— А что он тут делает? — подозрительно спросили они меня.

— Спит, — сказал я.

— А почему? — спросили Сиракузовы.

— Устал, — сказал я.

На мой взгляд, уже не надо было взрывать Сиракузовых.

Но тут дядя Борис открыл глаза, посмотрел на обоих Сиракузовых, подвинулся немного в сторону и сказал:

— Садитесь. Я не сплю. Жду, когда будет принято одно очень важное решение. А куда вы собираетесь?

— На раскопки, — застигнутые врасплох ответили Сиракузовы.

Дядя Борис оглядел мешок:

— С мешком?

— С мешком, — ответили Сиракузовы.

И тогда мы пояснили ему, куда и зачем собираемся и что думаем найти на городской свалке: может, автомобиль, а может, граммофон, а может, если повезёт, и первый фонограф Эдисона.

— Не знаю, как в Америке, — сказал дядя Борис, — а у нас свалку регулярно убирают, и ничего вы там не найдёте. А что касается граммофона... — тут он почесал бороду... — такой граммофон стоит на чердаке у бабушки Василичсы. Я даже думал починить его, да руки не дошли...

Мы ахнули, а дядя Борис опять как ни в чём не бывало почесал бороду.

— Такой граммофон, который нам нужен? — спросили Сиракузовы.

— По-моему, — ответил дядя Борис. — А что касается автомобиля, то вы, братцы, уже его чините...

— Кто чинит? — не поняли Сиракузовы.

— Вы. На автобазе.

— Грузовики? — ахнули Сиракузовы.

— Грузовик. Первая советская грузовая машина «АМО». Ей без малого пятьдесят лет.

Дядя Борис ещё, что-то хотел добавить, но тут окно в доме раскрылось, и появились тётка Галина и Коля.

— Дядя Борис, — сказал официально Коля, — можете войти в наш дом.

Дядя Борис суетливо дёрнул себя за бороду.

— Вот оно, начинается, — сказал он.

И прошёл в дом.

Так за один вечер, ещё не начав раскопок, мы нашли два экспоната из недавнего прошлого нашего города: граммофон и грузовик «АМО», а дядя Борис взорвал Сиракузовых изнутри: Коля разрешил ему жениться на тётке Галине.

Когда я вернулся домой, Вера сказала, что пришло письмо от Кеши.

— Ну?! — обрадовался я. (Я всегда верил, что Кеша нам напишет). — Где же оно?

— У Наташи, — сказала Вера. — Только она не даёт его...

— Почему? — удивился я.

— Говорит, что личное...

— Что значит — личное? — возмутился я.

— Ну, что это лично ей. От Кеши.

— А нам? — сказал я.

— А нам нет, — мрачно ответила Вера.

И я подумал, что все они одинаковые, эти Сиракузовы: сначала наобещают, а потом не делают.

ПАНИКА В ДОМЕ

Дней через пять стали приходиться первые телеграммы. Сначала принесли четыре штуки. Во второй день — двенадцать. А на третий — двадцать семь.

Родственники сообщали, что они приедут.

— Да кто их звал?! — ничего не понимая, кричал Сиракузов-старший.

— Какой организационный комитет? — вторил ему мой отец.

Они вертели в руках телеграммы и непонимающе смотрели друг на друга.

Всё это происходило у нас в доме, где по сигналу тревоги собирались все Сиракузовы, оба Зарынкина, тётка Галина со своим сыном Николаем, бабушка Василиса (ее привёз на машине дядя Борис), Наташка, тётя Роза, моя мама, Вера, а в углу, со своей неизменной фуражкой в руках, разместился скромно Ферапонт Григорьевич.

— Это мы, — сказали Сиракузовы-младшие, — организационный комитет.

— В этом году, — пояснил я, — исполняется трёхсотдвадцатипятилетие нашей фамилии.

— Откуда вы это взяли? — несколько сбавив тон, заинтересованно спросил Сиракузов-старший.

— Высчитали, — сказал я. — Если первое упоминание о нашей фамилии относится к временам Лжедмитрия, то легко подсчитать.

— А ведь верно! — восторженно воскликнула вдруг бабушка Василиса и, чтобы мы не поняли, добавила по-немецки: — У нас растёт достойная смена. Они ещё не раз постоят за честь нашей фамилии!..

— Пожалуй, я им поставлю «пятёрку» по истории, — сообщил Михайла Михайлович.

Пётр и Павел скромно потупились, а мой отец сказал:

— Что ж, мы действительно можем гордиться своей фамилией...

— Мы тоже, — немедленно возразил ему Сиракузов-старший. — Однако где мы их всех разместим?

— В гостинице, — сказал я.

— Значит, я должен выселить других постояльцев? — спросил Сиракузов-старший.

— Человек пять-шесть я могу взять к себе, — сказала тётка Галина.

— Это не выход из положения, — возразил папа. — Ты пятерых, мы пятерых, они пятерых, бабушка Василиса десятых. А куда остальные сто девяносто два?

Все посмотрели друг на друга, а Михайла Михайлович вдруг хлопнул себя по лбу и сказал:

— В школу! Летом освободится школа, и мы разместим их в классах! Так с туристами часто делают!..

— К нам не туристы едут, а родственники, — сухо возразил мой отец.

— Мы их должны принять по-человечески. А где мы возьмем в школе столько кроватей?

Все снова замолчали и стали смотреть на нас: мол, видите, что вы здесь устроили?

Я подумал, что сейчас они нас выпорют. Тогда я сказал:

— Для женщин и детей мы поставим на выгоне палатки. А мужчины пусть лезут на сеновал.

— Мы полезем! — закричали Сиракузовы.

— Придётся съездить в воинскую часть и попросить три большие палатки. И потом, я надеюсь, не все ещё приедут, — сказал Сиракузов-старший.

И тут свой голос подала Бронислава. Она спросила, где все будут обедать?

— У тебя в столовой, — сказал Михайла Михайлович.

— В три смены? — спросила Бронислава.

Все наши женщины немедленно зашумели, сказали, что не допустят этого: возьмут отпуск и будут по очереди готовить.

— А обедать мы будем ходить, — сказала моя мама, и Ферапонт Григорьевич за неё закончил: — на Акулинину гору.

Так была благополучно разрешена в этот вечер ещё одна проблема.

ЛОДОЧНАЯ СТАНЦИЯ

О том, что Ферапонт Григорьевич, надев морскую фуражку, пригласил тётку Розу прокатиться на лодке, Сиракузовы узнали от меня, последними.

— На какой лодке? — сильно побледнев, спросили Сиракузовы. — На «Ласточке»?

Я, ничего не подозревая, ответил, что, вероятней всего, на «Ласточке», и тогда Сиракузовы, отчаянно крикнув: «Мы её продырявили!..» — бросились на лодочную станцию.

А я побежал следом, думая, какие они жуткие люди, эти Сиракузовы: ведь они для меня её продырявили.

Когда мы прибыли, наполненная водой «Ласточка» уже сидела на мели недалеко от

берега, а в «Ласточке» сидели друг против друга Ферапонт Григорьевич и тётка Роза.

Ферапонт Григорьевич ругался с матросом Семёй.

— Ты какую нам дал лодку?! — гневно кричал он матросу Семёну.

— Цёлую! — отвечал обалдевший Семё.

— Значит, по-твоему, это мы её продырявили?!

Я никогда ещё не видел Ферапонта Григорьевича таким беспощадно злым.

— Сейчас я за вами приеду! — отвечал Семёна и пытался отвязать спасательную лодку, но морской узел не поддавался.

— Вот что вы наделали! — сказал я Сиракузовым.

Те подавленно молчали.

— Можешь сидеть на месте, — отвечал Ферапонт Григорьевич Семёну.

И вдруг, подхватив тётку Розу на руки, смело шагнул с ней за борт.

— Жива. Очухалась, — сказали про тётку Сиракузовы.

И точно: тётка Роза, уцепившись за шею Ферапонта Григорьевича, подавала признаки жизни.

А Ферапонт Григорьевич, как пожарный, выносящий из огня ребёнка, торжественно шёл с тёткой Розой к берегу.

Наконец тётка Роза спрыгнула с рук, и тут Ферапонт Григорьевич чихнул.

— Ты простудишься, — заботливо сказала тётка Роза.

— А ты? — в свою очередь сказал Ферапонт Григорьевич.

И, не обращая на нас и на утопленную лодку внимания,

Ферапонт Григорьевич и тётка Роза отправились сушиться к бабушке Василисе.

Я дал каждому из Сиракузовых по затрещине.

А в воскресенье мы помогали переезжать тётке Розе к бабушке Василисе. Туда же переезжал со своим чемоданом, одним глобусом и морскими картами Ферапонт Григорьевич.

Бабушка Василиса сказала, что на старости лет с ними ей будет веселее...

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ И ПОСЛЕДНЯЯ

Через месяц Михайла Михайлович стоял на пороге нашего чулана-музея, но войти туда не мог. Похоже, что мечта Сиракузовых сбылась: музей покидал чулан, некоторые экспонаты вылезли уже в коридоры и собирались затопить всю школу.

— Пожалуй, — сказал сам себе Михайла Михайлович, — больше экспонатов пока не надо.

И тут появились Сиракузовы с выклянченным у бабушки Василисы граммофоном.

Иосиф КУРЛАТ

ГАРМОШКА СТАХАНОВА

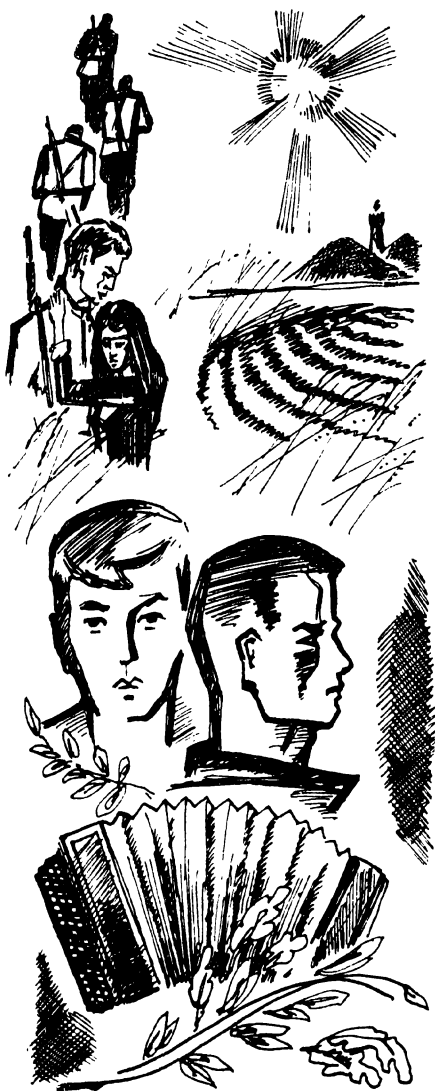

Рис. В. Бендигера

В тещушилище горном,
У начала начал,
В кабинете просторном
Я её повстречал.
Рядом с чунями,
Вместе
С обушком и кайлом
На почётнейшем

месте —
Под музейным стеклом.
Пусть она неказиста
И от клея бела,
Но, видать, голосиста
Та гармошка была.
Возвращаясь

с рекордом,
Может, в лучший
из дней,

Сам Стаханов
Аккордом
Кнопки трогал
На ней.

Мимо клумбы и грядки,
В степь, в простор

голубой,
Доверяя трёхрядке,
Песню вёл за собой.
Ширясь мало-помалу,
Вдаль летела она.

Этой песне внимала
Вся большая страна.
Ах, как музыка грела —
В воду с ней и в огонь...

Да, она постарела,
Боевая гармонь!
Всюду — времени

шрамы
И пробоин следы...

Но парнишка упрямый
Взглядом гладит
Лады.

Он в тужурочке новой,
Он не видит стекла,
И мелодия снова

Вроде
Вдаль
Потекла.

У копров и курганов,
Где бывшее — видней...

Вроде тронул
Стаханов
Снова кнопки
На ней.

Мятежные полки идут к Сенату

День 14 декабря 1825 года был одним из самых прекрасных дней нашей истории. В этот день три десятка молодых революционеров увлекли за собой три тысячи гвардейских солдат и едва не опрокинули царский трон, едва не свергли российское самодержавие.

Императору Николаю удалось победить. И сразу же после победы Николай и его сторонники стали клеветать на мятежников. Чего только не писали и не говорили о них! Что всё это были мальчишки, которых плохо воспитали. Что всё это были кровожадные изверги, которые хотели убить побольше честных людей. Что и сами они, и солдаты их были пьяными.

Короче говоря, не было такой мерзости, которую бы про них не сочинили.

Люди, знавшие и понимавшие правду, не могли сказать об этом открыто. Многие десятилетия правда о восстании 14 декабря 1825 года была неизвестна России и Европе.

Первыми, кто попытался выяснить и рассказать эту правду, были революционеры-эмигранты Герцен и Огарёв. Но они знали далеко не всё. Ведь документы о восстании хранились в царских архивах и были доступны только сторонникам царя.

Лишь постепенно правда стала выходить на свет.

Многие из декабристов написали свои воспоминания, в которых рассказывали историю заговора и самого восстания. Историкам уда-

лось добыть из царских архивов часть документов. Но всё равно этого было мало. И даже те, кто не сомневался в благородстве заговорщиков, считали, что они поступали неумело и нерешительно, без толку простояли весь день и поэтому проиграли сражение с императором.

Теперь мы знаем каждый шаг и революционеров, и царя. Теперь мы можем сказать: «Нет, вожди восстания не были неумелыми и нерешительными, нет, восставшие вовсе не бесцельно стояли на Сенатской площади. Они действовали. И действовали смело и энергично».

Сейчас мы расскажем, как они вывели на площадь перед Сенатом три гвардейских полка, чтобы потребовать у Сената отмены самодержавия, а если понадобится — и арестовать всю императорскую семью.

МОСКОВСКИЙ ПОЛК ДВИНУЛСЯ

В ночь накануне восстания на последнем совещании у Рыльева были окончательно распределены задания участникам заговора.

Александр Бестужев должен был поднять Московский полк. Ротами в этом полку командовали члены тайного общества Михаил Бестужев и князь Щепин-Ростовский.

Поручики Сутгоф и Панов обещали взбунтовать лейб-гвардии гренадерский полк, в котором они служили.

Капитан Якубович взялся привести Гвардейский морской экипаж.

Всё последнее время заговорщики убеждали солдат не присягать новому царю Николаю. Ведь недавно ещё — после смерти Александра I — армия присягнула Константину. Но поскольку Константин от престола отказался, то должна была состояться вторая присяга. Этим моментом и решили воспользоваться революционеры: захватить власть и сделать Россию свободной.

Итак, они твёрдо рассчитывали на три полка. И надеялись на присоединение других.

Но заговорщики понимали, что не все солдаты поддержат их, если прямо объявить о своих революционных целях. Ведь среди солдат были и тёмные люди, по привычке преданные самодержавию. Поэтому решили действовать сперва от имени Константина, сказать, что он собирается уменьшить службу, а может, и волю крестьянам дать, потому у него и отобрали трон. А уж потом, после победы, объявить войскам всю правду. Но было среди солдат много и таких, которым декабристы вполне доверяли и которые знали истинные цели восстания.

Александр и Михаил Бестужевы приехали в казармы Московского полка около десяти часов утра. Щепин-Ростовский был уже там. Увидев Бестужевых, он почти побежал к ним навстречу, восклицая:

— За дело! За дело! Пойдём в роты.

Они пошли через двор. У входа в помещение шестой роты, которой командовал Щепин, стояло несколько солдат.

— Послушай, Клементьев, — крикнул Щепин усатому фельдфебелю, — беги, братец, ко мне на квартиру, принеси мою татарскую саблю, она над диваном висит, и пистолет возьми со столика. И живей сюда. Ну, ступай!

— Сначала пойдём в мою роту, — сказал Михаил Бестужев.

Они вошли в казарму. Солдаты сидели на нарах, стояли у окон. Гул многих голосов висел в казарме. Когда вошли офицеры, разом наступила тишина. Десятки тревожных, напряжённых лиц обратились к вошедшим.

— Братцы! — закричал Щепин. — Пойдёте за нами?

— Пойдём!

— Взять оружие, боевые патроны и выходить во двор строиться! — скомандовал Михаил Бестужев.

Солдаты бросились разбирать ружья.

— Ну, пошли к твоим, — сказал Михаил Бестужев Щепину, — а потом в другие роты.

Они пошли по ротам, убеждая, доказывая:

— Ребята! Двадцать три года службы — это же вся жизнь уходит! Стойте за нас, будете служить пятнадцать, а то и меньше.

Солдат не надо было особенно убеждать. То, что говорили эти офицеры, было им понятно и близ-

ко. Но они понимали и другое: бунт — дело нешуточное. Бунт — это каторга, плети... Бунт — это сквозь строй! Они знали, на что решаются. Но решались.

— Братцы! — говорил Михаил Бестужев. — Рота князя Щепина и моя готовы! Неужели отстанете?

— Не отстанем! Нет!

Вскоре почти весь полк был на дворе. Роты Щепина и Михаила Бестужева поспешно строились. Солдаты других рот пристраивались к ним. Многие были в растерянности.

— Ребята! — на весь двор кричал Щепин. — Кто прежней присяги держаться не будет — тот враг! Того колоть!

К нему подбежал запыхавшийся фельдфебель Клементьев.

— Ваше благородие, вот, принёс! — он протянул Щепину длинную изогнутую саблю и пистолет.

— Я пистолет ружейной пулей заряжать стал, а как она не лезла, то я из нее картечей нарезал.

— Молодцом! — отвечал Щепин.

К нему подошёл Александр Бестужев.

— Ну что ж, двигаться надо! — сказал он. — Принимай команду, князь.

Щепин вынул саблю и поднял её над головой.

— Зарядить ружья! — донёсся до них голос Михаила.

Прогремела барабанная дробь.

Роты двинулись с места. Солдаты без команды взяли ружья на руку.

И вдруг среди топота и барабанного треска раздался крик:

— Стойте, каналы! Куда?

Наперерез колонне бежали два генерала: полковой командир Фре-

дерикс и бригадный генерал Шеншин.

Солдаты замедлили шаг.

Александр Бестужев вышел вперёд и остановился перед Фредериксом.

— Подите прочь, генерал! — сказал он, распахивая шинель и вынимая пистолет. — Не мешайте нам, мы идём на святое дело.

— Поди прочь, убьём! — крикнуло несколько голосов.

Бестужев поднял пистолет.

Фредерикс бросился в сторону и налетел на подбежавшего Щепина. Тот, ни слова не говоря, рубанул его саблей. Генерал упал.

В нескольких шагах от них генерал Шеншин пытался повернуть солдат.

Щепин прыгнул к нему, с размаху ударил рукоятью сабли, сшиб с ног, а когда Шеншин попытался подняться, ткнул клинком.

— Лежите смирно, генерал!

И мятежный Московский полк с развевающимися знамёнами, под барабанный бой вырвался на Фонтанку, а оттуда по Гороховой беглым шагом двинулся на Сенатскую площадь.

Восстание началось.

ГВАРДЕЙСКИЙ ЭКИПАЖ ИДЁТ НА ВЫРУЧКУ

Гвардейский морской экипаж не захотел присягать Николаю.

Дело в том, что офицеры-декабристы ещё за несколько дней до 14 декабря убеждали матросов отказаться от второй присяги и потребовать новых законов.

Накануне восстания лейтенант Арбузов, которого моряки любили и уважали, вызвал к себе фельдфебеля Боброва.

А. Бестужев

М. Бестужев

Д. Щепин-Ростовский

— Что, брат Бобров,— сказал ему Арбузов,— вчера одному царю присягали, завтра — другому. И станет в России два царя. Куда ж второго царя денем, а?

— Неладно, ваше высокоблагородие, что и говорить,— отвечал Бобров.

— Не говорить надо, братец, а дело делать! Николаю не присягать. А завтра всем экипажем выйти на площадь к Сенату. Там нас ожидают будут гренадеры и финляндцы. Возьмём в Сенате завещание покойного государя и заставим господ сенаторов новый закон издать. Чтобы служить не двадцать три года, а двенадцать! Понял? Согласен?

— Согласен, ваше высокоблагородие!

— Иди к матросам, так и объясняй!

Такие разговоры вёл не один Арбузов. И утро 14 декабря застало моряков в большом волнении.

Якубович в последнюю минуту отказался вести матросов. Его заменил капитан-лейтенант Николай Бестужев. Приехав в экипаж, он собрал молодых офицеров-декабристов на квартире Арбузова.

— Мы все здесь собрались за общим делом,— сказал он,— и никто из нас не откажется действовать. Так ли я говорю?

— С вами мы готовы идти! — отвечали моряки.

В это время вбежал фельдфебель с сообщением, что приехал генерал Шипов — приводить экипаж к присяге. Декабристы пожали друг другу руки и пошли к матросам...

Когда генерал Шипов вышел во двор экипажа, чтобы читать манифест о вступлении на престол нового императора, он увидел удивительную картину: Гвардейский экипаж, прежде блиставший дисциплиной и выправкой, сейчас напоминал собой толпу. Матросы сломали строй и громко разговаривали.

Генерал Шипов и сам недавно ещё был членом декабристской организации. И хотя он теперь уже в ней не состоял, но идеям декабристов сочувствовал. Однако одно дело сочувствовать, а совсем другое — действовать. Встать на сторону своих бывших друзей Шипов не решился...

Капитан I ранга Качалов, командир экипажа, скомандовал:

— На караул!

И не поверил собственным глазам — никто не выполнил команды! Он в растерянности оглянулся на генерала Шипова. Но генерал сам был растерян.

— Что же это вы, братцы? — сказал он тихо, так что не все даже его слышали. — Разве можно противиться приказу? Разве можно не присягать законному государю?

В ответ раздались крики:

— Не верим!

— Мы Константину присягали!

— Покажите его отречение!

— Обман!

Экипаж взбунтовался. Но этого было мало. Надо было вывести его на площадь... К Бестужеву подошли два молодых офицера — братья Беляевы.

— Какой прекрасный нынче день! — воскликнул один из них. — Знаете, Бестужев, мы с братом сегодня в каком-то безумном восторге! Мы чувствуем, что происходит что-то необыкновенное!

Бестужев улыбнулся и хотел сказать что-нибудь ободряющее, но подбежал фельдфебель Бобров.

— Ротных командиров арестовали! — закричал он.

— Кто арестовал? Где?

— В батальонной канцелярии!

Их превосходительство генерал Шипов.

Это было неожиданное и страшное известие. Арест офицеров мог всё погубить. Теперь надо было действовать со всей решительностью, но Бестужева пугала неизвестность — восстали другие полки или нет? Поддержит ли кто-нибудь мятеж матросов?

И тут он увидел своего младшего брата Петра, выпрыгнувшего у ворот из саней.

— В Московском полку бунт! Полк у Сената!

— Прекрасно! — воскликнул Николай Бестужев. — Теперь я знаю, что делать! Господа! — обратился он к Беляевым. — Докажите свою верность делу — освободите товарищей!

Беляевы бросились в казармы. Через несколько минут ротные командиры — Арбузов, Вишневский,

Михаил Кюхельбекер — были во дворе. По их приказу матросы разобрали боевые патроны.

Офицеры кричали вместе с матросами.

Генерал Шипов понял, что ему не заставить экипаж присягнуть Николаю. Но понял он и другое — если он не сделает попытки уговорить людей, его карьере конец. Новый император ему не простит. И он обратился к офицерам:

— Лейтенант Вишневский! — скомандовал он. — На середину!

Вишневский чётким шагом вышел из строя.

— Лейтенант Вишневский, почему вы не приводите в повиновение вашу роту?

— Ваше превосходительство! — отвечал Вишневский твёрдо. — Матросы правы. Мы не видим документа с отречением императора и потому считаем своим долгом сохранить присягу Константину.

— А вы понимаете, лейтенант, что, противясь приказу высшего начальства, вы совершаете преступление? — печально сказал генерал Шипов.

За Вишневского ответил Арбузов:

— Отменить присягу может только сам император Константин.

— На площадь! К Сенату! — крикнуло несколько матросов.

Шипов сказал Качалову:

— Это мятеж...

С площади донеслись ружейные залпы. Это Московский полк отбивал атаку конной гвардии. Грохот залпов подействовал на всех, как электрический удар. Значит, там уже дерутся! Значит, не только один Гвардейский экипаж бунтует.

Мичман Пётр Бестужев бросился к матросам.

А. Арбузов

Н. Бестужев

А. Беляев

— Ребята! Что ж вы стоите? Ребята! Слышите стрельбу? Это наших бьют!

— Не выдадим наших! — кричал Михаил Кюхельбекер.

Рокот голосов перекрыла громкая команда Николая Бестужева:

— За мной! На площадь! Выручать своих!

Бестужев побежал к воротам, и весь экипаж бросился за ним.

Колонна заполнила набережную Крюкова канала. Над головами матросов блестели штыки и развевалось знамя Гвардейского экипажа. Матросы торопились. «Вперёд! Вперёд! Выручать своих! Не отставай!»

Они ворвались в узкую Галерную улицу, которая вела прямо к Сенату... И увидели впереди себя склонённые штыки и медные наголовники касок Павловского полка.

Это император Николай перекрыл Галерную отрядом павловцев. Выход на площадь был закрыт.

Некоторые офицеры растерялись. Но Николай Бестужев выхватил саблю.

— За мной!

Он побежал прямо на штыки павловцев. Матросы, взяв ружья в руку, бросились за ним.

— Выручать своих! Вперёд!

Павловцы смутились. Не так уж они любили Николая, чтобы вступать из-за него в смертельную штыковую схватку с разъярёнными гвардейскими матросами. Мно-

гие сами подняли штыки и попятнулись. Матросы врзались в их строй, раскололи его, отбросили павловцев к стенам домов. Путь на площадь был открыт.

Московцы встретили экипаж громким «ура». К Николаю Бестужеву подбежали его братья Александр и Михаил. Они крепко обнялись.

— Теперь ещё бы два полка на нашу сторону — и дело выиграно! — сказал Александр.

Экипаж построился рядом с москвочами. Матросы приготовились к бою.

СУТГОФ ДЕРЖИТ СЛОВО

Лейб-гренадерский полк присягнул Николаю.

В десять часов утра полк построили во дворе казарм. Офицеры-декабристы ничего не знали о том, что делается в городе, — восстали другие полки или послушно присягнули.

Стоя в строю недалеко друг от друга, поручики Сутгоф и Панов переглядывались, но действовать не решались.

Вот вынесли перед строем знамёна, боевые знамёна полка, пропитанные пороховым дымом многих сражений. Вот вышел командир полковник Стюрлер, а с ним священник. Стюрлер стал читать текст присяги.

Декабристы украдкой посматривали на солдат и видели, что мно-

гие не слушают командира, о чём-то тихо переговариваются с недовольными, хмурыми лицами. Ведь не зря же несколько дней подряд декабристы объясняли солдатам, что присягать Николаю не надо, а надо требовать новых законов, уменьшения службы, отмены битья... Солдаты всё это хорошо запомнили.

Сутгоф и Панов смотрели на солдат. И вдруг все услышали грохот каблуков — по деревянной галерее, окружавшей казарму, бежал поручик Кожевников.

— Братцы! — закричал он, выбежав на середину галереи. — Кому присягаете?! Всё обман!

Рука Панова легла на рукоять шпаги. Он взглянул на Сутгофа и увидел, что тот подался вперёд. Заколебались штыки, громче стал ропот солдатских голосов, все головы повернулись к галерее.

— Вот он — момент!

Но несколько офицеров по знаку Стюрлера уже скрутили Кожевникова и тащат его в казармы. А гренaдеры стоят, не бросаются на вырубку... И Сутгоф с Пановым остались стоять.

Кончилась присяга. Гренaдеры разошлись по своим ротам.

А поручик Сутгоф ходил по двору. Его мучила совесть. Ведь он дал Рылеву слово, что приведёт свою роту на площадь... А если там пусто? А если он зря погубит своих солдат?..

Цокот копыт прервал его размышления. У ворот остановились сани и во двор вбежал Одоевский.

— Так-то вы держите слово, поручик! — с горечью сказал он Сутгофу. — Московцы уже давно на площади! Рылеев и Оболенский ждут вас!

— Передайте Рылеву, — ответил Сутгоф, — что я слово сдержу!

Он бросился в расположение своей роты.

— Братцы! — сказал он. — Нас обманули. Напрасно мы присягали! Другие полки уже стоят у Сената. Требуют, чтобы присягу отменили. И нам надо туда идти!

Солдаты любили Сутгофа и верили ему.

— Мы всюду за вами пойдём, ваше благородие!

— Тогда надеть шинели! Взять боевые патроны! И строиться! Да не забудьте хлеба захватить!

Рота беспрепятственно вышла из казарм.

— Знамя вперёд! — командовал Сутгоф.

Беглым шагом гренaдеры двинулись в сторону площади. Путь предстоял неблизкий. Уже прошли несколько улиц, когда сзади раздался свист полозьев и голос Стюрлера:

— Рота! Стой!

Полковой командир на извозчике гнался за взбунтовавшейся ротой. Он соскочил с саней, забежал вперёд.

— Стой! Назад! Кто позволил уйти из казарм? Солдаты! Не верьте смутьянам! Они вас погубят! Вы присягу приняли!

Сутгоф резко отстранил полковника с дороги.

— Не верьте ему! — крикнул он солдатам. — Он-то вас и губит! Гвардия уже у Сената! Не слушай его, ребята! Не выдавай! Вперёд!

Рота прошла мимо Стюрлера. Полковник вскочил в сани и помчался обратно в казармы. Он был в отчаянии. Не сумел совладать со своими солдатами! Что скажет император?

П. Беляев

А. Сутгоф

Н. Панов

А гренaдеры Сутгофа ещё стремительней бросились вперёд. Пропустили сквозь Петропавловскую крепость. Её в тот день охраняли тоже гренaдеры, и они пропустили своих однополчан.

Рота спустилась на Неву, уже окутанную ранними зимними сумерками. Лёд похрустывал под солдатскими сапогами. Быстро пересекли реку наискось и подошли к набережной у Сенатской площади. Гренaдеры слышали гул толпы. Слышали крики, выстрелы — это москoвцы отбивали одну из кавалерийских атак. Гренaдеры торопились скорее присоединиться к товарищам.

У Сенатской площади был пологий спуск к Неве. Рота бросилась к этому спуску и увидела конские хвосты и спины конногвардейцев, отрезавших москoвцев от набережной.

— Вперёд, ребята! — крикнул Сутгоф. — Коли коней штыками! Пробивайся к своим!

Конногвардейцы не ожидали удара с тыла. Кони их, почувствовав острия штыков, начали шараться. Строй эскадрона нарушился. Напрасно кавалеристы махали палашиами — гренaдеры уже расчистили себе дорогу и прорвались на площадь.

Каховский первый заметил приближение подмоги.

— Ну, какой молодец Сутгоф! — воскликнул он, обнимая поручика.

Декабристы ликовали — силы их стали быстро расти. Только что подоспели гвардейские матросы, а теперь и рота гренaдеров.

— Ещё бы нам измайловцев! — говорил Александр Бестужев. — Дело пошло бы!

МЫ ПРОБИЛИСЬ ШТЫКАМИ!

Полковник Стюрлер вернулся в казармы лейб-гренaдеров. Он увидел, что полк в большом возбуждении. Многие солдаты жалели, что не пошли вместе с ротой Сутгофа на помощь восставшим.

Полковник решил во что бы то ни стало удержать остальных солдат, не пустить их на Сенатскую площадь. Он вызвал во двор 1-й взвод гренaдерской роты — самых сильных и рослых солдат полка, самых надёжных — и поставил половину их у ворот, а другую половину выстроил цепью вдоль двора. Теперь все выходы из казарм были закрыты.

Но действовал не только Стюрлер. Действовал и поручик Панов. Он ходил по казармам и говорил солдатам:

— Стыдно, ребята! Что ж вы отстали от роты поручика Сутгофа? Ведь они там за вас за всех воевать будут! За вашу волю! Эх, вы! Не по-гвардейски это!

Пришли солдаты со двора, рассказали:

— Ну, братцы, дела! Полковник цепь поставил, ворота загородил! Бегаёт!

Услышав это, Панов понял — надо сразу выводить полк, а то будет поздно. Ведь Стюрлер и казармы запереть может.

— Ребята! — крикнул Панов гренадерам. — Видите, как начальники боятся — цепь ставят! Если бы их дело чистое и правое было, разве бы они так боялись? Они вас обманом присягу изменить заставили! Выходи строиться! Пойдём на правое дело!

Гренадеры схватили ружья и выбежали во двор.

— Стройся! — скомандовал Панов.

Роты быстро построились.

— Знамя вперёд!

Но тут прибежал Стюрлер с другими офицерами. За ними полковой священник с крестом.

— Смирно! Стоять на месте! — кричал Стюрлер.

Он кинулся к знаменщику, чтобы вырвать у него знамя. Но гренадеры сомкнулись вокруг знаменщика, и Стюрлер не мог к нему пробиться. Других офицеров оттолкнули, а некоторых сбили с ног.

— Не подпускать офицеров к знамени! — кричал Панов.

Священник, подняв крест, стал уговаривать солдат вернуться в казармы, но его не стали слушать.

Гренадеры верили только Панову.

Тут донеслись далёкие залпы. Панов выхватил шпагу и закричал:

— Слышите, ребята, там уже стреляют! Побежим на выручку наших, ура!

— Ура! — дружно подхватили гренадеры и бросились за ним к воротам.

Там сверкали штыки 1-го взвода. Каждый гренадер из охраны был на голову выше Панова.

— Береги командира! — крикнул кто-то из колонны.

Несколько рослых солдат подхватили Панова на руки, и вся колонна, как тараном, ударила в охраняющих ворота. Несколько мгновений двор оглашали ярост-

ные крики дерущихся, звон сталкивающихся штыков, треск прикладов. Гренадеры опрокинули охрану и бегом бросились по улице.

Стюрлер побежал за ними.

Гренадеры пересекли Неву, поднялись на набережную недалеко от Зимнего дворца. Добежав до ворот дворца, гренадеры увидели во дворе каких-то солдат. Панову в сумерках показалось, что это измайловцы. «Наверно, измайловцы с нами, и дворец захвачен!» — радостно подумал Панов.

У ворот стоял большой караул. Комендант дворца Башуцкий замахал руками, приказывая не подходить. Но с гренадерами шутки были плохи. Они смяли и Башуцкого, и караул и прорвались во двор. Тут только Панов заметил, что ошибся — это были не измайловцы, а гвардейские сапёры.

— Ура, Константин! — крикнул Панов.

— Ура, Николай! — ответили сапёры.

— Ребята, это не наши! За мной! — закричал Панов, и гренадеры выбежали из ворот.

— Вперёд! К Сенату!

Колонна двинулась через Дворцовую площадь. А навстречу ей — от Адмиралтейского бульвара — скакал сам император Николай с отрядом кавалергардов. Император хотел проверить, как охраняется дворец.

— Стойте, гренадеры! Вы куда?

— Мы за Константина! — ответили гренадеры.

Тогда кавалергарды на своих огромных конях преградили им дорогу.

Панов, взмахнув шпагой, бросился вперёд.

— За мной, ребята! В штыки!

Гренадеры, склонив штыки, врезались в ряды кавалергардов. Увидев это, Николай так натянул поводья, что конь его попятился.

— Пропустите их! Расступитесь! — крикнул он кавалергардам. Но гренадеры уже и сами прорвались сквозь строй кавалергардии.

«Какой ужас,— подумал Николай, когда опасность миновала.— Ведь они могли убить меня здесь, прямо под окнами дворца! Какое счастье, что я не ввязался в схватку, а велел их пропустить!»

А гренадеры с ружьями наперевес, сметая на своём пути все заслоны, подошли к Сенатской площади.

Выход с Адмиралтейского бульвара закрывали преображенцы. Но они и опомниться не успели, как гренадеры смяли и отбросили их правый фланг и ворвались на площадь.

— Как же вы прошли с той стороны? — спросили Панова друзья, когда его отряд строился рядом с москвичами.— Ведь там всё забито императорскими войсками.

— А штыки у нас на что? — весело ответил он.— Мы пробились штыками!

Но не успели гренадеры построиться, как снова возле них появился полковник Стюрлер. Он хватал солдат за плечи, призывал не верить смутьянам, клялся в законности присяги.

— Видите, братцы, сколько полков за императора Николая? Они начальству верят! А вас обманули!

К Стюрлеру подбежали Оболенский и Каховский.

— Уходите, полковник! — сказал Оболенский.— Вы мешаете солдатам строиться!

Но Стюрлер оттолкнул декабриста и снова бросился к солдатам. Тогда Оболенский выхватил саблю и рубанул полковника по голове. Со Стюрлера слетела шляпа. Он тоже схватился за саблю. Но Каховский спокойно навел на него пистолет и выстрелил. Стюрлер упал, смертельно раненный.

Теперь возле Медного всадника стояло больше трёх тысяч мятежников...

ВОТ КАК было дело. Вот как пробивались к Сенатской площади восставшие полки. А говорят: «стоячее восстание»!

Схватки во дворах казарм, штыковые атаки, бои с кавалерией — вот как проходило восстание 14 декабря.

Нужно только помнить, что дело не ограничивалось площадью — ареной восстания был весь Петербург.

А на самой площади?

На самой площади несколько часов стояли одни москвичи — восемьсот человек. А против них император вывел тысяч десять. Что же могли они делать? Только обороняться. А уж оборонялись они решительно! Несколько раз ходили на них в атаку верные Николаю кавалеристы — и конногвардейцы в своих металлических кирасах, и кавалергарды, и коннопионеры (так называли конных сапёров). И все эти атаки москвичи отбили.

А когда — уже вечером — все мятежные полки собрались вместе и образовали немалую силу, Николай пустил в ход артиллерию и в упор расстрелял восставших картечью.

Можно только удивляться мужеству и энергии офицеров-декабристов, которые взбунтовали и вывели на площадь своих солдат.

Можно только восхищаться их бескорыстием и верностью своему человеческому долгу.

Они хотели видеть Россию свободной и сделали для этого всё, что могли.

КАК ОНИ РАЗГОВАРИВАЮТ

Давайте представим себе такую нелепость: просыпаемся мы утром, а радио не говорит. Телефоны тоже молчат — ни гудков, ни звонков.

Как же начнётся наш день? Физзарядку по радио не сделать. «Пионерскую зорьку» не услышать. Не узнать, какая сегодня погода. Чтобы поговорить со знакомыми, придётся к ним идти или ехать: телефона ведь тоже нет! А вечером не посмотришь телевизор.

Радио и телефон можно определить одним словом: связь. Для нас она очень важна, необходима, а для кораблей в море — тут уж и говорить не приходится! Просто трудно себе представить: как это плавали они когда-то без радио! Радио даёт возможность поддерживать связь с кораблями, находящимися в любой точке земного шара. С помощью радиоволн можно связаться даже с подводными лодками на значительной глубине. Когда в феврале — марте 1966 года группа атомных подводных лодок совершала кругосветное плавание в подводном положении, моряки регулярно слушали последние известия московского радио.

Радиосвязь может быть разной. Можно говорить по радио, как по телефону. Можно переговариваться телеграфным способом. В этом случае нужно передавать импульсы разной длины. Короткий импульс — точка, длинный — тире.

Стучит ключом радиотелеграфист: точка — точка — тире — точка... У него свой собственный язык — телеграфный. И азбука у этого языка своя, особая — азбука Морзе. Американец Самюэль Морзе по специальности был художником, но любил заниматься изобретением технических новинок. В 1837 году он создал электромагнитный телеграфный аппарат. Впервые этот аппарат был использован на линии Вашингтон — Балтимора. Морзе и разработал телеграфную азбуку, которую с тех пор называют его именем.

Радисты принимают буквы и цифры азбуки Морзе на слух. Опытные радисты успевают принять по 200, 240 знаков букв или цифр за минуту. Это — если записывать принятое рукой. А если принимаемые знаки записывать прямо на пишущей машинке, то принять их можно будет ещё больше. Хороший радист должен хорошо печатать и на машинке.

АЗБУКА МОРЗЕ					
А	· —	Р	· · ·	?	· — · — · —
Б	· — · — · —	С	· · · ·	!	· — · — · —
В	· — · —	Т	· · ·		
Г	· — · — · —	У	· · · ·		
Д	· — · — · —	Ф	· · · · ·		
Е	· — · —	Х	· · · · ·		
Ж	· · · ·	Ц	· — · — · —	1	· — · — · —
З	· · · ·	Ч	· — · — · —	2	· — · — · —
И	· ·	Ш	· — · — · —	3	· — · — · —
Й	· — · — · —	Щ	· — · — · —	4	· · · · ·
К	· — · — · —	Ъ	· — · — · —	5	· · · · ·
Л	· — · — · —	Ы	· — · — · —	6	· · · · ·
М	· — · — · —	Ь	· — · — · —	7	· — · — · —
Н	· — · — · —	Э	· · · · ·	8	· — · — · —
О	· — · — · —	Ю	· · · · ·	9	· — · — · —
П	· — · — · —	Я	· · · · ·	0	· — · — · —

Но вот ведь какое обстоятельство: радиоволны могут принять не только те корабли, кому они адресованы, но и другие. А если война? Что же — выдавай противнику все свои секреты? Нет, этого допустить нельзя. При ведении боевых действий радиogramмы зашифровываются, а само пользование радиосвязью строго ограничено.

В боевой обстановке корабли пользуются и другими средствами связи. Наиболее простая из них — флажный семафор. Для такой связи нужны лишь два флажка красного или жёлтого цвета. Если нет флажков, то в руки можно взять бескозырку, носовые платки... Каждая буква алфавита может быть изображена определённым положением рук. А отдельными буквами можно написать любое слово. Скорость приёма флажным семафором может достигать 100—120 знаков в минуту. Если нужно передать цифру или какой-нибудь знак препинания, то они передаются по буквам. Например, цифра «5» передается словом «пять», а точка передаётся словом «точка».

Кстати, умение пользоваться флажным семафором может пригодиться и во время пионерских игр, и в туристском походе, и вообще в жизни.

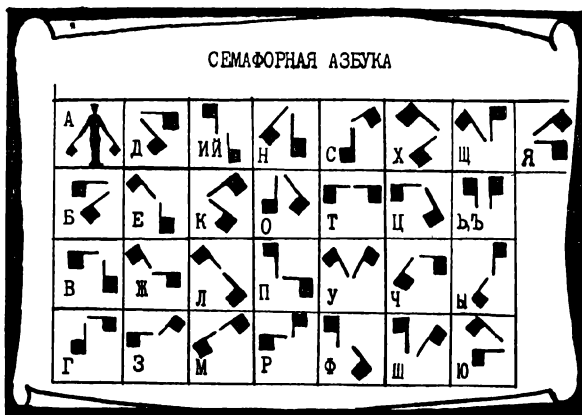
Теперь ещё два слова о флагах.

Все вы, конечно, видели корабли, украшенные флагами расцветивания во время праздников. Но эти флаги нужны не только для праздников — в каждом плавании они необходимы. Ведь каждый флаг — это буква, цифра или целая фраза. Пример? Пожалуйста: на последней обложке «Искорки» № 8 за этот год с помощью флагов художник В. Н. Адаев написал фразу: «Это корабль».

Связь сигнальными флагами применяется и для переговоров с иностранными кораблями и судами. В этом случае значение отдельных флагов выбирают по международному своду сигналов.

Радисты ведут переговоры с помощью точек и тире. Но, пользуясь азбукой Морзе, ведут переговоры и сигнальщики, только в руках у них не радиотелеграфный ключ, а прожекторы и специальные фонари.

Дальность такой связи в тёмное время суток может быть очень большой. Прожектор может быть направлен на облака, находящиеся на значительной высоте. И если луч света непосредственно с кораблей увидеть невозможно, то облако, находящееся над кораблём, будет хорошо видно. В некоторых случаях такая связь может быть достигнута на расстоянии до 150—200 километров.

ПРАВИЛА, ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ ДЛЯ ВСЕХ

В 280 году до нашей эры на острове Родос, расположенном в северо-восточной части Средиземного моря, был воздвигнут маяк высотой 32 метра. Этот легендарный маяк-великан, получивший название Колосса Родосского, был причислен к «семи чудесам света». Маяк этот был необходим жителям острова для развития торгового мореплавания. Он очень помогал судам в ночное время.

Но всё равно гибло тогда торговых судов много. Особенно большие убытки терпела торговля из-за частых столкновений. Иногда катастрофы происходили чуть ли не на глазах у жителей острова, у самого входа в гавань.

Конечно, капитаны старались предотвратить столкновения, но делали они это, только полагаясь на свой опыт и умение. Было неясно: какие действия предпримет капитан встречного корабля? Он ведь тоже маневрировал без всяких правил. Так долго продолжаться не могло. Необходимы были единые правила, обязательные для всех мореплавателей. И такой первый свод законов появился на острове Родос.

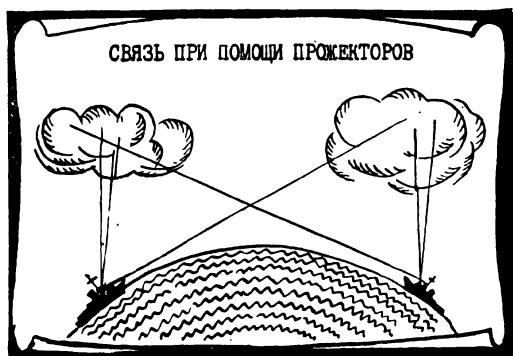
В этом, очень важном для своего времени документе, имелись десятки правил о расхождении судов в море. Ещё долгие годы Родосский свод законов служил тем, кто плавал на море. Затем начали создавать свои правила другие города и страны. С IX века известны так называемые Олеронские свитки — сборники морских законов и обычаев мореплавателей Англии и Франции. А когда в XIII веке возник торговый и политический союз городов побережья Северного моря — Ганза, то и здесь был издан специальный свод законов о расхождении судов в море.

Наконец в 1889 году были приняты Международные правила для предупреждения столкновения судов в море. Сокращённо их стали называть ППСС. Чтобы принять единые правила, в Вашингтоне собрались представители тридцати государств. Этот свод законов оказался настолько хорошим, что оставался почти без изменений до 1954 года.

Сейчас же во всём мире плавают корабли и суда по ППСС, вступившим в жизнь с 1 сентября 1965 года.

Значение этих правил очень велико.

На океанских и морских просторах стало тесно. Уже в 1971 году только крупных судов плавало более 55 тысяч. Аварий каждый год

происходит тоже достаточно. Статистики ведут учёт морским происшествиям. Так они сосчитали, что с 1960 по 1964 год произошло более 15 тысяч столкновений.

А вот что сообщило Японское управление безопасности на море: за 1972 год у берегов Японских островов потерпели аварию 2657 судов. 577 из них затонули. Свыше трети всех столкновений и других видов аварий произошло на оживлённых трассах Токийского залива, залива Исе и во внутреннем Японском море.

Из сообщений прессы становится понятной причина части происшествий. Дело в том, что не все капитаны судов достаточно грамотны. Оказывается, капитаном парохода в Греции можно стать, даже не закончив мореходного училища. Для получения диплома капитана, выдаваемого «Бюро по морским делам» в порту Пирей, достаточно заплатить 300 драхм (9 рублей). Директор бюро Морантис брал за морской диплом и меньше, если у покупателя не было необходимой суммы денег.

Так каковы же эти основные правила предупреждения столкновения судов?

Наиболее опасно плавание в тёмное время суток. Поэтому корабли согласно правилам должны нести строго определённые огни. При этом неважно: на ходу ли корабль или на якорной стоянке.

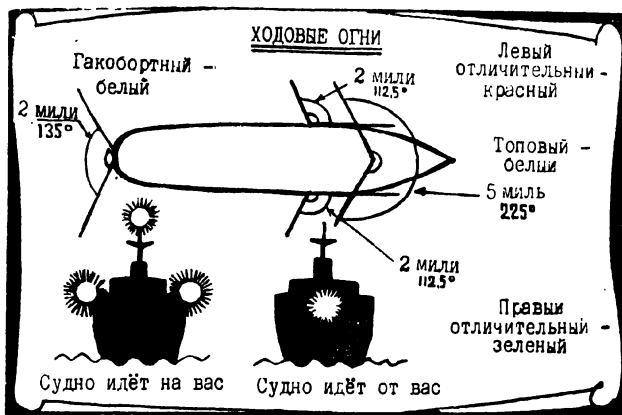
Первая часть ППСС и определяет, какого цвета, на какой высоте и с каким углом видимости должны быть корабельные огни.

На рисунке показаны огни, которые должно нести судно, если длина его менее 45,8 метра.

Возьмем, например, требования к топовому огню. Он должен быть белого цвета и виден на расстоянии не менее пяти миль. Много это пять миль видимости или мало? Можно посчитать. Допустим, что оба корабля, идущие друг другу навстречу, имеют ход по 15 узлов. Их общая скорость — 30 узлов. Значит, пять миль они пройдут за 10 минут. Капитан судна, увидевший корабль, идущий навстречу, принимает решение и производит манёвр в течение 10 минут. Если же учесть, что всё это нужно совершить в тёмное время суток, тогда станет понятно, как мало этого времени!

Но иногда корабли не могут увидеть друг друга и днём. Например, в тумане. В городе автомашины и трамваи тут же включают фары. А в море? Вторая часть ППСС и определяет, какие звуковые сигналы должны подавать суда в тумане или в других случаях.

Обычно корабли имеют гудок, сирену и колокол. Парусные суда, кроме колокола, должны иметь туманный горн. Например, судно с ме-

ханическим двигателем должно подавать на ходу один продолжительный звук (4—6 секунд) не реже чем через каждые две минуты. Судно, стоящее на якоре, должно через каждую минуту учащённо звонить в колокол в течение пяти секунд. Если судно сидит на мели, то оно тоже представляет опасность для столкновения и должно давать о себе знать звуковыми сигналами: звонить в колокол.

Плавание в тумане чрезвычайно опасно. История знает множество «туманных» катастроф. Поэтому с появлением тумана корабли уменьшают ход, соблюдают тишину на верхней палубе. В носовой части и на мостике выставляют наблюдателей — вперёдсмотрящих. Если вовремя не принять всех мер предосторожности, может произойти непоправимое.

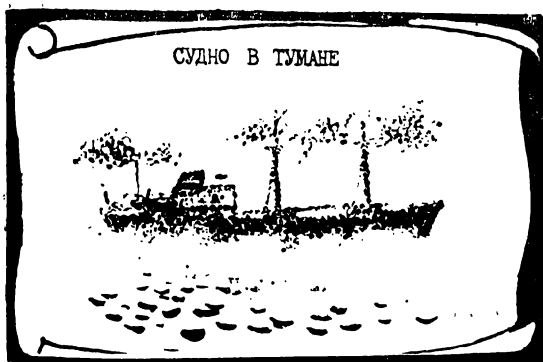
В августе 1954 года из порта Сент-Питер-Порт, что находится на острове Гернси у берегов Франции, вышел английский теплоход «Гуернси Коуст». Через час после выхода теплоход попал в полосу тумана. Но судовую администрацию беспокоил только груз в трюме — свежие помидоры — поэтому и был дан полный ход. Через некоторое время с помощью радиолокации было обнаружено на расстоянии пяти миль встречное судно. Это был либерийский паротурбоход «Кетчер». На «Гуернси Коуст» сближение не сочли опасным и даже не сбавили хода. Когда суда сблизались, то все попытки предотвратить столкновение оказались запоздалыми. Виновник столкновения затонул.

ОКАЗАНИЕ ПОМОЩИ

Раньше о последних минутах погибающих судов узнавали либо из рассказов спасшихся, либо из найденных записок в закупоренных бутылках. Иногда корабли, терпящие бедствие, применяли и голубиную почту. Но проходило слишком много времени, пока люди узнавали о том, что кто-то нуждается в помощи.

С появлением радио всё изменилось. В эфире появился радиотелеграфный сигнал «SOS».

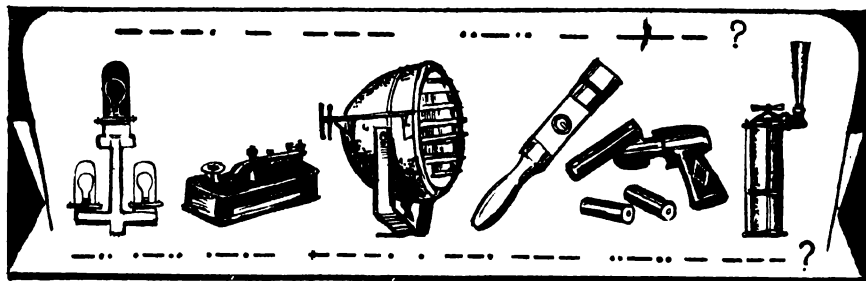
Каждый час в течение шести минут (от 15-й до 18-й и от 45-й до 48-й минуты) на «частоте бедствия» в эфире наступает тишина. 48 раз в сутки соблюдается «период молчания». Все судовые радиостанции прекращают радиопередачи, чтобы не заглушить тех, кто нуждается в немедленной помощи.

Появлению сигнала «SOS» предшествовала борьба. Предложений об едином сигнале бедствия было много. Американцы предлагали сигнал «NG», что соответствует флажному сигналу: «Терплю бедствие, нужна немедленная помощь». Немцы настаивали на сигнале «SOE». В ходе дискуссии один из участников конференции предложил заменить последнюю букву «E» на «S». Утверждают, что это был музыкант, а сигнал «SOS» ему показался благозвучным. Для решения вопроса пригласили психологов, музыкантов и физиков. Консультанты подтвердили, что сигнал «SOS» является наиболее приемлемым.

Многие ошибочно считают, что «SOS» — это первые буквы английской фразы «Save Our Saues» (спасите наши души). В действительности «SOS» — это просто короткий, ритмичный радиосигнал, понятный всем без расшифровки. Итак, 3 ноября 1906 года на международной конференции в Берлине в качестве международного сигнала бедствия был принят сигнал «SOS».

Ч Т О Э Т О ?

Д Л Я Ч Е Г О Э Т О ?

ВОКРУГ КУВШИНА

ВОДЕВИЛЬ В ШЕСТИ КАРТИНАХ

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

На сцене декорации, изображающие степь, совхозные постройки, яблоневые сады. Возле одинокого дерева — Люда и Коля. Только что они вели раскопки.

ЛЮДА (*обеспокоенно*). Может, мы не там копаем?

КОЛЯ (*нервно*). Что значит не там? (*Бросает лопату, вытаскивает из-за пазухи рукопись*.) Ясно сказано: триста шагов в сторону, по лучу восходящего солнца... Сделали мы триста шагов в сторону?

ЛЮДА. Сделали.

КОЛЯ. Солнце всходит или не всходит?

ЛЮДА. Входит.

КОЛЯ. Значит, всё правильно. Пафнутий не врёт. И я вычёркиваю тебя из списка.

ЛЮДА (*оторопело*). Как — вычёркиваешь?

КОЛЯ. А так. В Пафнутия не веришь, рукопись *сглазила*. (*После паузы*.) Я тебя фактами опровергну, Соболева! (*Вдруг хлопает себя по лбу*.) Вот она, наша ошибка!

ЛЮДА (*озираясь*). Где?

КОЛЯ. Ты. Кто отсчитывал триста шагов в сторону?

ЛЮДА. Я.

КОЛЯ. А какие у тебя шаги? Вот! (*Показывает мелкие семяшки шажки*.) А древние скифы как ходили? Вот! (*Отмеривает гигантские шаги*.) Нужно отсчитывать заново!..

Скрывается за кулисой. Из-за другой кулисы появляется Иван Гаврилович. Он в пожарной каске.

СТАРИК. А вот я его сейчас!.. (*Люде*.) Где он?

ЛЮДА. Кто?

СТАРИК. Друг твой, Колька.

ЛЮДА (*на кулисы*). Там.

СТАРИК. Сбежал?

ЛЮДА. Не, сейчас вернётся.

СТАРИК. Подождём (*Любовно сгребает пожарный инструмент*.)

Голос Коли за спиной: «Двести восемьдесят восемь... двести восемьдесят девять...»

СТАРИК. Коляша идёт... (*Люде*.)

В военном деле главное — неожиданность. Как увидел неприятеля — атакуй! (*Прячется за дерево*.)

Голос Коли: «Двести девяносто восемь...»

СТАРИК. Хе. Пифагор!

КОЛЯ (*появляясь*). Триста!.. (*Люде*.) Видишь, где копать надо? А мы где копали?

СТАРИК (*цапает Колю*). Зачем лопату взял, а? Зачем кирку взял, а?

КОЛЯ (*пищит*). Да Иван Гаврилович... да...

СТАРИК (*Люде*). Отвернись... (*снимает с себя широкий пожарный ремень*.) Пока они там возятся, я его по-своему, не по-учёному...

КОЛЯ (*заслонив руками мягкое место*.) Да Иван Гаврилович... да...

Едва Коля произносит последнюю фразу, появляются Шалва Назарович и незнакомый пожилой мужчина с густой «шкиперской» бородкой. Тёмные очки. В руках у него саквояж в форме крокодила. Это профессор Эдингтон. Старик замирает с ремнём в руке. Люда с недоеденным яблоком. Коля всё ещё прикрывает руками мягкое место.

Окончание. Начало в «Искорке» № 11.

ШАЛВА НАЗАРОВИЧ (*Эдингтону*). Вот они, профессор. Ит из наша смена! Энтузиасты! Ещё солнце не успело встать, а они уже копают! Будущие археологи! (*Люде и Коле*.) Кто разрешил? (*Эдингтону*.) Ай, молодцы! (*Старику*.) Гаврилыч, убери ремень, иностранцы кругом... (*Эдингтону*.) С приездом, профессор!

ЭДИНГТОН. Вери вел... Я понял...

ШАЛВА НАЗАРОВИЧ (*ребятам, которые смотрят во все глаза на незнакомца*). Позвольте представить вам профессора Эдингтона. Прибыл к нам по культурному обмену из Новой Зеландии!..

КОЛЯ (*погрясённо*). Эдингтон!

ЛЮДА (*погрясённо*). Чемодан из крокодила!

КОЛЯ (*зашкаясь*). Товарищ профессор... кроме кувшина нам в руки попала древняя рукопись... со всей несомненностью в ней указывается на наличие клада!

ЭДИНГТОН. О-о! Клад! Голд! Золото-то! Скифский золото! Копайт надо! Копайт! (*Пыгается снять пиджак*.) Тимерлан, Аляска, Тускаррора, Кызыл-Кум!

ШАЛВА НАЗАРОВИЧ (*удерживая профессора*). Поберегите себя, профессор! Здесь есть кому приложить свои молодые силы... (*Коле*.) Человек устал, а ты... (*Профессору*.) Вам отдохнуть надо!

ЭДИНГТОН. Я не есть устал... я счастлив... Я приехал Россия... Моя бабка жил Россия... мой прабабка жил Россия...

СТАРИК. Скажи, какое совпадение... (*Эдингтону, на пальцах*.) Мой прабабка тоже жил Россия!..

ЭДИНГТОН (*оживляясь*). О-о! Ви зналь мой бабка? Он жиль тут, Сухой Рог.

СТАРИК (*ахая*). Фамилия-то её как была?

ЭДИНГТОН. Про-хо-роффа...

СТАРИК (*радостно*). Аглая?

ЭДИНГТОН (*ещё более радостно*). Аглая!

СТАРИК. Так она же моя двоюродная тётя!

ЭДИНГТОН. О-о!

Иван Гаврилович и Эдингтон бросаются друг другу в объятия.

ШАЛВА НАЗАРОВИЧ (*утирая глаза платком*). Це-це-це... встретились наконец!

СТАРИК (*дрожащим от волнения голосом*). Племян ты мой дорогой...

ЭДИНГТОН (*растроганно*). Дядя..

Теперь все трое сморкаются и утирают слёзы радости.

КОЛЯ (*ошеломлённо — ошеломлённой Люде*). Гаврилыч — дядя иностранного профессора!..

ЛЮДА. А издали — и не подумаешь!

КОЛЯ. Ну, дела...

СТАРИК. Значит, приехал... Надолго?

ЭДИНГТОН. На два дня, дядя...

СТАРИК. Это хорошо... Звать-то тебя как?

ЭДИНГТОН. Фрэд.

СТАРИК. Значит, Федя. Давай, Федя, занимайся научными делами, а я побежал... на стол приготовить

надо... сродственников оповестить... У нас тут, Федя, ещё сродственники есть. Один такой же, как ты, племянник... тоже большой учёный, Серёгой звать... *(Снова целует Эдингтона.)* Ну, давай, работай, Федя... не буду мешать... *(Убегает.)*

ЗАНАВЕС

КАРТИНА ПЯТАЯ

Люда бежит по авансцене, кричит: «Славка! Профессор приехал!» Профессор скрывается за кулисами. Занавес раздвигается. На сцене изолятор. Слава делает различные гимнастические упражнения: приседает, трёт ногу. Нога у него не в кувшине. Кувшин стоит рядом.

СЛАВА. Товарищи! Давайте вот так, вот запросто поговорим о скифах. В отличие от древних греков, они не ставили храмы своим богам и были в этом смысле прогрессивными. *(Заглядывает в учебник.)*

Голос Люды за сценой: «Профессор приехал! Профессор!» В панике Слава бросается к кувшину, но надевает его не на ту ногу.

ЛЮДА *(вбегает)*. Приехал!

СЛАВА *(испуганно)*. Да ну?!

ЛЮДА. И знаешь, чей он племянник? Ивана Гавриловича!

СЛАВА. Ты что, спятила, Соболева?

ЛЮДА. Их бабушки были родными сёстрами!

СЛАВА *(мгновенно)*. Ну дела!.. *(Быстро прикидывает.)* Если я уговорю Гаврилыча, он уговорит Эдингтона. Эдингтон — Сергея Евгеньевича, то Сергей Евгеньевич обязательно переведёт меня без переэкзаменовки!..

Люда пристально смотрит на Славкину ногу в кувшине.

СЛАВА. Что ты так на меня смотришь?

ЛЮДА *(выпаливает)*. У тебя кувшин не на той ноге!!!

СЛАВА *(как ужаленный)*. Как — не на той?! *(В сторону.)* Ой, верно... перепутал... *(Люде.)* Да ты что, Соболева! На той ноге, на той! Зачем обижаешь большого товарища?

ЛЮДА *(неумолимо)*. Он у тебя был на правой!

СЛАВА. Огульное обвинение, Соболева! Где доказательства?!

ЛЮДА. Цитирую письмо, которое Сергей Евгеньевич послал в Эрмитаж: «15 августа сего года мой ученик Вячеслав Устименко правой ногой попал в кувшин. Прошу вас...» И так далее. Подпись воспитателя... подпись пострадавшего... Будем отрицать?

СЛАВА. Не будем. *(Вздыхнув.)* Это и есть, Соболева, моя страшная тайна...

ЛЮДА. Но зачем ты это сделаешь?!

СЛАВА *(перебивая)*. Зачем? Думал жалостью Сергея Евгеньевича взять. Думал, отменит переэкзаменовку. Ох, тяжело было, Соболева! Ночами не высыпался, думал, увидит кто-нибудь снятый кувшин... А теперь... *(Снимает кувшин.)* Всё. Больше я его не надену. Иди, Соболева, пока тебе тоже не попало... *(Садится тяжело на пол рядом с кувшином.)*

ЛЮДА *(решительно и возмущённо)*. Твое поведение, Устименко, возмутительно, и я как староста класса его не одобряю... Но как человек, который долгие годы сидел с тобой за одной партой... *(Задумывается.)* Короче, я не могу оставить тебя в беде! *(Решительно усаживается со Славой рядом.)* Ну что будем делать, Устименко? Возможно, скоро сюда придёт Эдингтон...

СЛАВА *(взволнованно)*. Не знаю, что будем делать, но ты, Соболева... ты... *(Решительно.)* Хочешь, я для тебя... Цветы подарю!..

ЛЮДА *(с достоинством)*. Я подумаю о твоём предложении...

Слава бросается в амбулаторию, вытаскивает из вазы цветы. В амбулаторию входит Эдингтон. Слава с цветами в руках замирает.

ЭДИНГТОН. Искюз ми... мне нужен... *(Смотрит в бумажку.)* Слава Устименко...

СЛАВА. Устименко?.. А вы кто?..

ЭДИНГТОН. Я есть Фрад Эдингтон... фром Нью-Зеланд... прошу извиняйт меня...

СЛАВА. Да что вы, что вы, профессор... Мы вас так ждали... Я всё время говорил этому Устименко: «Вот придет профессор, снимут кувшин... и всё будет в порядке...» Там он, в изоляторе сидит Устименко.

Ведет Эдингтона в изолятор. Эдингтон чуть-чуть отстаёт.

СЛАВА (*появляясь первым в изоляторе, Люде — трагическим шепотом*). Суй ногу в кувшин!..

Люда в панике сует ногу в кувшин.

СЛАВА (*Эдингтону*). Вот он — Слава Устименко! А это вам, профессор!.. (*Протягивает Эдингтону букет.*)

ЭДИНГТОН. О-о-о!..

Люда с кувшином делает книксен.

ЭДИНГТОН. Я очень тронут... столько событий за один день... (*Люде.*) Ит из есть Слава Устимьенко?

СЛАВА. Он и есть.

ЭДИНГТОН. Он совсем похож на девочка!

СЛАВА. А он и есть девочка.

Люда опять делает книксен.

ЭДИНГТОН. Тут я окончательно ничего не понимаю!..

ЗАНАВЕС

КАРТИНА ШЕСТАЯ

На авансцене старуха Елизавета Матвеевна. В руке у неё хоккейная клюшка.

ЕЛИЗАВЕТА МАТВЕЕВНА (*пристально вглядываясь в зал*). Граждане вы мои милые! Куда же это все подевались? Ни Сергея Евгеньевича! Ни Шалвы Назарыча! Ау-у! Есть кто-нибудь? Есть кто живой?

Освещается изолятор. Разъярённый старик Иван Гаврилович. Одна нога у него в кувшине. На другой — валенок.

СТАРИК. Засадил! Как есть, засадили! А я-то, старый, дал себя заморочить! Пороть их надо, пороть! (*Бузает кувшинной ногой.*) Звенить!..

Голос Елизаветы Матвеевны: «Граждане мои милые... есть кто живой?»

СТАРИК (*мрачно*). Есть!

ЕЛИЗАВЕТА МАТВЕЕВНА (*входит в изолятор, радостно*). Иван Гаврилович! (*В изумлении смотрит на старика*). Ты что, Гаврилыч, свихнулся? В кувшин залез! Сначала Славик сидел — теперь ты!.. (*Ставит корзину на пол.*)

СТАРИК. Сижу. По своей природной любознательности сижу... А ты никак на старости лет в хоккей собралась играть?

ЕЛИЗАВЕТА МАТВЕЕВНА. И-и-и... не спрашивай, Гаврилыч. (*Шёпотом.*) Славкина это клюшка. Влатарь он. В моей калитке стоял. Да руки-то свои неуклюжие в толстой перчатке растопырил... а кругляк этот... (*Вынимает из кармана передника шайбу.*) Маньке моей и попал. Прямо в бок. Манька, конечно, мэ-э-э... Ну, я взяла хворостину и хворостиной, хворостиной...

СТАРИК. Маньку?

ЕЛИЗАВЕТА МАТВЕЕВНА. Славку! И всю амуницию отобрала!..

Появляется профессор Эдингтон в сопровождении Шалвы Назаровича и Коли. В изумлении останавливаются, смотрят на старика и Елизавету Матвеевну.

ЭДИНГТОН. Дядя, кто вас заса-
дил в кувшин?!

СТАРИК (*разъярённо*). Я те по-
кажу дядю! Я те покажу, как над
старым человеком надсмехаться! В
ООН буду жаловаться, в ООН!

ЕЛИЗАВЕТА МАТВЕЕВНА (*стук-
нув о пол клюшкой*). Вместе будем
жаловаться! (*Старику — на Эдинг-
тона.*) А это кто?

СТАРИК. Племян мой. Из Новой
Зеландии.

Елизавета Матвеевна в немом изумлении
смотрит на Эдингтона.

СТАРИК. Как, спрашиваешь, попал
в кувшин? Прихожу, понимаешь,
в изолятор, а они уже на двух но-
гах ходят!

ШАЛВА и ЭДИНГТОН. Кто?!

СТАРИК. Людка и Славка!

ЭДИНГТОН. Дьявол! Я теперь всё
понимаю. Людка не есть Славка!

СТАРИК. Во-во! И я теперь всё по-
нимаю. Спрашиваю: освободился?
Ага, говорит, дедушка, освободился.
Вы, дедушка, это тоже запросто смо-
жете! Вот, говорят, суньте ногу
в кувшин — сами узнаете. Тут меня,
старого, бес и попутал... Дай думаю,
попробую. Разулся, понимаешь,
сую...

ЭДИНГТОН. Дьявол!

СТАРИК. Во-во! А нога у меня со-
рок четвертого размера, не лезет.
Ох, думаю, не лезешь! Запихал! И
так мне радостно стало: ведь больше
тысячи лет горшку, а у меня в ём
нога! Радуйся, думаю, Гаврилыч!..

Шалва Назарович прыскает.

ЭДИНГТОН (*ужоризненно*). Ах,
дядя, дядя... Я теперь все пони-
маю: вы попали в капкан! Как ста-
рый олд беа — медведь! Ми все по-
пал в капкан!

СТАРИК. Я те покажу «капкан»!
Или вынимай, или в ООН жало-
ваться буду!

Вбегают Слава и Люда. Несут длинную
двуручную пилу и разводной ключ.

СТАРИК. Это что вы принесли? Я
вас за чем посылал? За мылом?

Завидев Елизавету Матвеевну, Слава пы-
тается улизнуть. Елизавета Матвеевна
бросается к Славе.

ЕЛИЗАВЕТА МАТВЕЕВНА. Да
куда же ты, Славик?.. (*Закрывает
его в объятия.*)

СЛАВА (*шёпотом*). Елизавета Мат-
веевна, не выдавайте меня...

ЕЛИЗАВЕТА МАТВЕЕВНА. Дер-
жись за меня, не выдам...

ЭДИНГТОН (*Люде*). Ты есть Люда,
ты не есть Слава! Не карашо!

ЛЮДА (*соглашаясь*). Не карашо!..

ЭДИНГТОН. Если этот мальчик ос-
вободил свой нога, он знайт какой-
то секрет!

СЛАВА (*печально*). Не знаю я ни-
какого секрета... С самого начала
кувшин у меня снимался...

СТАРИК. Обман! Обман! Вот они у
нас какие дети, дорогой иностранец
Федя!

ЭДИНГТОН. Пфуй!.. Очень и
очень плёхо!

СТАРИК. Куда уж лучше! Но ты не
принимай близко к сердцу, Федя!

ЭДИНГТОН. Не могу не принимать:
зачем обман, когда можно без об-
мана?!

ЛЮДА. Переэкзаменовка у него...
А он подготовиться не успел: ма-
шину на воздушной подушке делал.

ЕЛИЗАВЕТА МАТВЕЕВНА. Ахти
господи... совсем, совсем замытарили
парня!

ШАЛВА НАЗАРОВИЧ. Ага. Бед-
ный ребёнок!

СЛАВА (*радостно*). Бедный, именно
бедный! Вот и сунул ногу в кув-
шин!.. Но это не мой кувшин. Я его
не сам нашёл.

ВСЕ. Как не твой? А чей же?!

ЕЛИЗАВЕТА МАТВЕЕВНА. Наш
со Славиком кувшин. Общий.

СЛАВА. В хоккей мы играли. А
Елизавета Матвеевна клюшку от-
няла.

ЕЛИЗАВЕТА МАТВЕЕВНА (*пояс-
няет*). Маньку он мою кругляком
ударил.

СЛАВА. Ну я и полез за клюшкой
в амбар. И прямо ногой в кувшин.
Вижу: старый, медный. Семенки ка-
кие-то в нём. А вдруг, думаю, пред-
ставляет историческую ценность?!

ЭДИНГТОН. Молодец! Светлый голова!

КОЛЯ. Но ногу-то ты вытащил?..

СЛАВА. Сначала вытащил, а потом снова сунул. А вдруг, думаю, Сергей Евгеньевич меня, как пострадавшего, от переэкзаменовки освободит?

Шалва Назарович начинает хохотать.

ЕЛИЗАВЕТА МАТВЕЕВНА (*сурово*). Ну чего гогочешь? Чего гогочешь? Дитя душу перед тобой раскрывает!.. (*Славе*). Раскрывай родимый, раскрывай, авось легче станет...

ЭДИНГТОН (*решительно*). Я пишу записку Сергей Уевгенъевич. Я буду просить его за этот бедный мальшник... (*Вырывает листочек из блокнота, тишет.*)

СЛАВА (*Эдингтону*). А вы не можете... ну... одну приписку от моего имени сделать?

ЭДИНГТОН. Вот из ит приписка?

СЛАВА. Ну, что я... в общем, виноват перед ним... а подробности, мол, он потом узнает...

ЭДИНГТОН. Гуд. Я делаю такой приписка... (*Вручает листочек Коле.*)

КОЛЯ. Я мигом, профессор! (*Убегает.*)

СТАРИК (*взрываясь*). В последний раз спрашиваю: будете меня вытаскивать?!

ЭДИНГТОН. Сейчас, сейчас, дядя...

ЛЮДА. Вы расслабьте ногу, дедушка, расслабьте...

Все, кроме Эдингтона, суетятся вокруг кувшина, пытаются стащить его с ноги. Эдингтон спокойно закуривает трубку.

ЭДИНГТОН. Чьепуха! Моя родина Нью-Зеланд по-другому снимает кувшин...

СТАРИК (*чуть не плача*). Так чего же ты молчишь, Федя? Пособи дяде!

ШАЛВА НАЗАРОВИЧ. Распиливать, что ли, будете, профессор?

ЭДИНГТОН. Ноу-ноу, я буду... как это говорится по-русски?.. За-кли-нать.

В оркестре начинает тревожно бить барабан, раздаётся свист ветра, будто сильный поток воздуха проносится над сценой.

ЭДИНГТОН (*громким голосом*). О, вандефул! О, трирена, борена! Сноц!

Наступает тишина. И в этой наступившей тишине кувшина сваливается с ноги Ивана Гавриловича. Люда взвизгивает. Елизавета Матвеевна крестится. Слава стоит раскрыв рот.

ШАЛВА НАЗАРОВИЧ (*восхищённо*). Как это вы сделали, профессор?!

СТАРИК (*поспешно ощупывает ногу*). Свободен! Свободен! Ну, Федя! (*Бросается обнимать*).

ЕЛИЗАВЕТА МАТВЕЕВНА. Просто Люцифер какой-то!..

СЛАВА (*наставительно*). Не Люцифер он, в цирке, наверное, выступал... Я тоже умею фокусы показывать.

ЕЛИЗАВЕТА МАТВЕЕВНА (*старик*). Ну, Гаврилыч, с племянником тебя...

СТАРИК. Ничего не поделаешь: иностранец. Психология у них другая... (*Эдингтону*.) Кенгуру-то у вас как там, есть?

ЭДИНГТОН. Есть.

СТАРИК. Ну и привез бы дяде.

Голос Коли за сценой: «Шалва Назарович! Шалва Назарович!» Появляется.

КОЛЯ (*взволнованно*) Сергей Евгеньевич исчез!

ВСЕ. Куда? Как? Что значит исчез?

КОЛЯ. А то и значит: исчез! (*Торжествующе*). В Сухой Балке его нет. И в Сухом Роге нет!

Немая сцена. Все в изумлении смотрят друг на друга.

ЭДИНГТОН. У Сергей Евгеньевич биль враги?

СЛАВА (*мрачно*). Не было у него врагов, одни мы были...

СТАРИК. Затюкали вы моего Серёжу... племяша моего дорогого... В Алма-Ату от нас улетел!..

СЛАВА и ЛЮДА. В Алма-Ату?!

СТАРИК. А может, не в Алма-Ату. Это я так, для примера...

ШАЛВА НАЗАРОВИЧ. Ну, Гаврилыч, с такими примерами... до инфаркта доведёшь!.. (*Лезет в аптечку за сердечными каплями*).

ЭДИНГТОН. Дьявол! Искать надо, искать!

СЛАВА, ЛЮДА, КОЛЯ. Мы с вами! КОЛЯ (*Славе*). Тебе нельзя без кувшина! Сергей Евгеньевич думает, что кувшин на тебе!

ЛЮДА. Ой, верно!

ЭДИНГТОН. Я буду вынимать его из кувшина. При Сергей Евгеньевич. Он ничего не знает... он ничего не подозревает... Тебя понесут... ээ... как это по-русски?

ШАЛВА НАЗАРОВИЧ. В паланкине?

ЭДИНГТОН. Иес, паланкин.

ЛЮДА. Ой, как интересно!

СЛАВА (*решительно*). Нет, я пойду к нему сам.

СТАРИК. Молоток!
ШАЛВА НАЗАРОВИЧ. Мужествен-
ный человек!
ЕЛИЗАВЕТА МАТВЕЕВНА. Ну,
порадовал ты меня, Славик...
ЭДИНГТОН. Вандефул!.. (Пожимает
Славе руку.) Чудесно! (Устремляет-
ся к выходу.)

За ним устремляются Слава, Люда, Коля,
Шалва Назарович.

КОЛЯ. Профессор!

Эдингтон останавливается.

СЛАВА. У вас на спине записка!

ШАЛВА НАЗАРОВИЧ. Почерк Сер-
гея Евгеньевича!

СТАРИК. Да, Серёжина рука...

ЭДИНГТОН. О-о! (Лыгается загля-
нуть себе на спину.)

ЛЮДА. Да стойте вы, профессор,
стойте!

КОЛЯ (читает). «Сегодня в полдень
в изоляторе. Три шага в сторону по
лучу взошедшего солнца. Найдёшь».
(Ахал.) Прямо как у Пафнутия!

(Читает дальше.) Только кого най-
дёшь?

ШАЛВА НАЗАРОВИЧ. Вероятно,
Сергея Евгеньевича!.. Смотрит на
часы, отсчитывая.) Уже полдень.

КОЛЯ (отсчитывает. Упирается в
Эдингтона). Тут профессор стоит.

ШАЛВА НАЗАРОВИЧ. Ну и что?

СЛАВА. А где же Сергей Евгень-
евич?

ШАЛВА НАЗАРОВИЧ. Придёт.

ЛЮДА. А вдруг не придёт?

ЭДИНГТОН. Не придёт — мы его
сам вызывайт будем.

СЛАВА. По телефону?

ЭДИНГТОН. Ноу. По воздуху!

ШАЛВА НАЗАРОВИЧ. Ну, профес-
сор, это уже чересчур. Вы хотите
материализовать Сергея Евгеньви-
ча? Да такого никто не может!

ЭДИНГТОН. Кто не может — тот не
может. У нас всё может. Надо толь-
ко повторять заклинания. Прошу по-
вторяйт за мной! Гардена!

ВСЕ. Гардена!

ЭДИНГТОН. Иена!

ВСЕ. Иена!
ЭДИНГТОН. Бамс!
ВСЕ. Бамс!

В оркестре ударяет барабан. Раздаётся свист ветра над сценой.

СТАРИК *(смотрит куда-то вверх)*.
Летит чего-то!

Все медленно задирают головы. Эдингтон молча отклепывает бороду, снимает парик. Снова превращается в Сергея Евгеньевича.

ШАЛВА НАЗАРОВИЧ *(хохочет)*.
Материализовался! Десять лет врач — такого не видал.

СЛАВА. Профессор!.. то есть Сергей Евгеньевич...

ЛЮДА. Как же так?!

КОЛЯ. Где же профессор?!

СЕРГЕЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ. Какой?

КОЛЯ *(чуть не плача)*. Из Новой Зеландии... Эдингтон!

СЕРГЕЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ. Надо полагать, в Новой Зеландии.

КОЛЯ. А вы?

СЕРГЕЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ. А я здесь. Где мне, по-твоему, быть?

СТАРИК. Ну, Федя... то есть, ну, Серёга...

СЕРГЕЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ. Что дядя?

ЛЮДА *(взвизгивает)*. Значит, вы всё знали?

СЕРГЕЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ. Иес. Знал.

СЛАВА. С самого начала?!

СЕРГЕЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ. С самого начала. Я только вот чего не знал: что кувшин ты у Елизаветы Матвеевны в амбаре нашёл... *(Смеётся.)*

СЛАВА *(растерянно)*. Что же мне теперь делать?

СЕРГЕЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ. Вот он... *(Показывает на старика.)* ...советовал тебя выпороть...

СТАРИК. Было. Советовал. И сейчас не возражаю.

ЛЮДА. А разве Иван Гаврилович действительно ваш дядя?

СЕРГЕЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ. Мой.

КОЛЯ. Настоящий?

СТАРИК *(обиженно)*. Самый что ни на есть настоящий... Неужто у меня племянника быть не может?

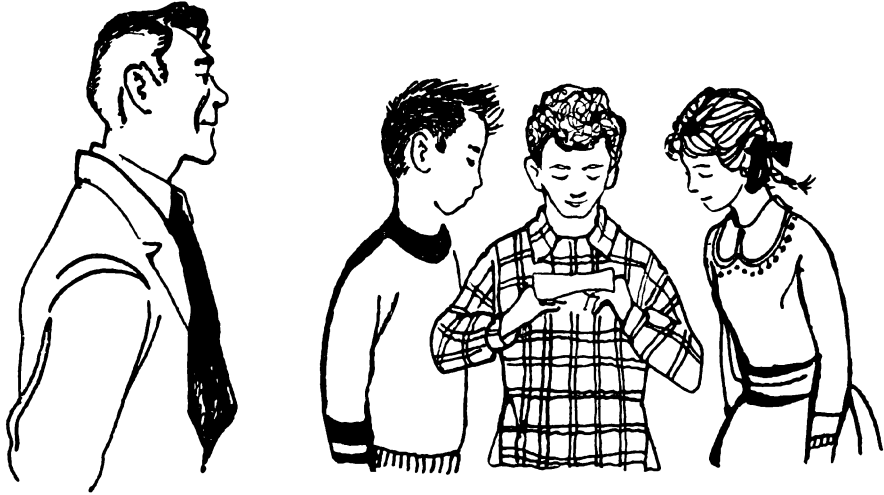
СЕРГЕЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ. А Шалва Назарович советовал разоблачить тебя. Публично. *(Коле.)* И тебя, кстати, тоже.

Слава стоит понурив голову. Коля присоединяется к нему.

СЕРГЕЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ. Так что решай теперь сам, что с тобой делать...

СЛАВА *(понури)*. На второй год оставить...

ЛЮДА. Да ты что, Славка! Ты же

про скифов теперь больше всех знаешь.

КОЛЯ. Мы обязательство приняли: не терять ни одного ученика в пути!

ШАЛВА НАЗАРОВИЧ. Хе, чуть лучшую половину не растеряли!

ЛЮДА (*Сергею Евгеньевичу*). Сергей Евгеньевич, он уже сделал одно открытие.

СЕРГЕЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ (*пугаясь*). Как? Ещё одно?

ЛЮДА. Про кибитки скифские знаете?

СЕРГЕЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ. Слышал.

ЛЮДА. А про англо-бурскую войну?

СЕРГЕЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ. Проходил когда-то.

ЛЮДА (*торжествующе*). А теперь вспомните: как ставили свои кибитки скифы и как ставили буры?

СЕРГЕЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ (*ахая*). Одинаково ставили! (*Славе*.) Сам вывод сделал?

СЛАВА (*гордо*). Сам!

СЕРГЕЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ. Скажи, пожалуйста... не ахти, конечно, какое открытие, но занятно, весьма занятно... (*Славе*.) Двух недель тебе хватит на подготовку? Будем твой доклад считать подготовкой к экзамену.

СЛАВА. Хватит! Во, с головой!

СЕРГЕЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ. Следовательно, вопрос исчерпан. И я смогу, наконец, неделю спокойно отдохнуть в доме отдыха... Что ещё?

КОЛЯ. Так представляют кувшины историческую ценность или не представляют?

СЕРГЕЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ (*достаёт из кармана телеграмму*). Вот что я получил сегодня и нес показать вам. (*Отдаёт Коле*.)

КОЛЯ (*читает*). «Встречайте восемнадцатого, поезд тридцать первый, вагон три. Соловьёв». Какой Соловьёв?

СЕРГЕЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ. Бывший мой однокурсник. Ныне сотрудник Эрмитажа. Специалист по скифской культуре.

ЛЮДА, КОЛЯ, СЛАВА. И он едет к нам?

СЕРГЕЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ. К нам.

ШАЛВА НАЗАРОВИЧ. И на этот раз абсолютно точно?

КОЛЯ. А как же Пафнунтий?

СЕРГЕЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ. Пафнунтий? Мне очень знакомо это имя...

КОЛЯ (*Люде*). А, что я говорил? (*Сергею Евгеньевичу*.) Древний летописец. Я нашёл его рукопись во дворе у Ивана Гавриловича. Помните, когда выкидывали всё с чердака? И эту рукопись выкинули.

СЕРГЕЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ. Погоди, погоди... Ты имеешь в виду могилу скифского царя Скила?

КОЛЯ (*радостно*). Скила!

СЕРГЕЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ. М-да... теперь понимаю... видишь ли... в общем, это я виноват... это я — Пафнутий!

КОЛЯ, ЛЮДА, СЛАВА. Вы?!

СЕРГЕЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ (*виновато*). Я. Когда я учился еще в седьмом классе, а учился я здесь, в Сухом Рог... Я увлекался, как вы сами понимаете, историей... и однажды в какой-то книжке наткнулся на легенду о скифском царе Скиле. Ну, а поскольку было неизвестно, где был убит Скил, я поместил его сюда, в Сухой Рог... и написал... так сказать, дополнил своими... э-э... рассуждениями неясный отрезок истории. А чтобы всё было как по науке, назвал летописцем Пафнутием... Я же не знал, что моя рукопись, спустя двадцать лет, попадёт к вам...

КОЛЯ (*печально*). Значит, всё напрасно было?

СЕРГЕЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ (*ободряюще*). Рядом с Сухим Рогом есть небольшой курган... скифских времён, и, если мы очень попросим Соловьёва, он поможет достать нам разрешение на раскопки...

КОЛЯ. Значит, есть надежда?

СЕРГЕЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ. Надежда всегда есть. Должна быть. Какие же мы археологи без надежды?!

ШАЛВА НАЗАРОВИЧ (*зрителем*). Так закончилась эта история... об одном хитром учителе и двух его хитроумных учениках... Древние греки, соседи скифов, частенько говорили: «Плаудит кивес, плаудит амику...»

СЕРГЕЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ. Что в вольном переводе Шалвы Назаровича означает...

ЛЮДА. Хотите радуйтесь, хотите — нет...

СЛАВА. А наш водевиль окончен!

ЗАНАВЕС

Будильник

*Завёл я будильник
На восемь утра.
Но в семь я проснулся,
Умылся, — пора!*

*Проверил тетрадки,
Дневник и альбом.
Успел поиграть
На диване с котом.*

*А после будильник
Вовсю зазвонил.
Выходит,
Что я его
Сам разбудил.*

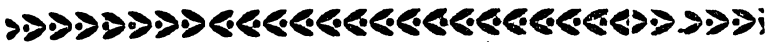
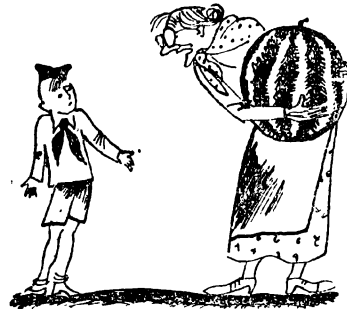

«Тимуровец»

*— Эй, внучек, помоги арбуз
До дома донести!*

*— Я, извините, тороплюсь,
Мне в школу к десяти.
Меня ребята будут ждать
С метёлками и вёдрами.
Мы будем взрослым*

*помогать, —
Тимуровцы сегодня мы!*

Верблюд

*Угощали мы верблюда
Сладкой дыней и халвой,
Но верблюд сказал:*

— Не буду

*Есть я дыни никакой!
Неужели пища лучше
На земле, ребята, нет?
Принесите мне колочек
Из пустыни на обед!*

В. СЕМЁНОВ

ВОЛШЕБНИК КОЖАНОГО МЯЧА

Пека Дементьев был очень знаменит. Его и сейчас узнают на улице. Долгое время слыл одним из самых ловких, самых смелых и искусных футболистов Советского Союза. Где бы ни играли — в Москве, в Ленинграде, в Киеве или в Турции, как, бывало, выходит на зелёное поле сборная команда СССР, все сейчас же кричат:

— Вон он! Вон Дементьев!.. Курносы такой, с чубиком на лбу... Вон, самый маленький! Ах, молодец Пека!

Так писал о знаменитом ленинградском футболисте в рассказе «Турецкие бутсы» Лев Кассиль.

Заслуженный мастер спорта Пётр Дементьев действительно удивительный футболист, настоящий волшебник кожного мяча.

Игра этого невысокого, юркого спортсмена вызывала восхищение не только у зрителей, но и у самих признанных мастеров футбола. Вот, что о нём говорили:

Заслуженный мастер спорта

Николай СТАРОСТИН (Москва):

— Он неожиданно появился на поле во втором тайме матча Ленинград — Москва. Маленький и упругий, как литой резиновый мячик, Пётр Дементьев с такой быстротой и ловкостью мелькал между именитыми защитниками столицы, что мы только ахали. Прошёл всего один сезон, и Петра Дементьева уже знал весь Советский Союз. Матчи с его

участием проходили при «битковых сборах». Каждому не терпелось посмотреть, как этот маленький (164 сантиметра) чародей будет обыгрывать высоких и складных парней с громкими именами. И Пётр Дементьев всегда оправдывал надежды своих почитателей. Быстрота, лёгкий пластичный бег, отточенная техника бросались в глаза даже мало искущённому в футболе зрителю.

Я два сезона играл рядом с ним в сборной и с большим удовлетворением. В Петре жажда забить гол гармонично уживалась с желанием сыграть в последний момент на соседа. Мяч казался частью его ноги. Как юла, проскакивал он с ним через строй противников и мягко выкладывал на завершающий удар кому-нибудь из нас, своих партнёров. Особенно часто такие подарки он преподносил своему напарнику Михаилу Бутусову, сразу оценившему незаурядные способности юного соратника.

Заслуженный мастер спорта

Валентин ФЕДОРОВ (Ленинград):

— С Петром Дементьевым связана одна из самых ярких страниц нашего футбола. Его мастерство опережало даже уровень подготовленности ведущих игроков того времени, было незабываемо самобытным. Неудивительно, что по своей популярности он был чуть ли не футболистом номер один.

Заслуженный мастер спорта

Фёдор СЕЛИН (Москва):

-- Ни одному футболисту — ни нашему, ни зарубежному — никогда не удавалось обманывать меня так легко, так постоянно и красиво, как Дементьеву...

Заслуженный мастер спорта

Борис ПАЙЧАДЗЕ (Тбилиси):

— Многие любители футбола помнят игру Петра Дементьева, этого яркого «индивидуалиста», блестящего мастера обводки. Некоторые считали, что он грешит индивидуальной игрой и злоупотребляет обводкой. Если даже это так, бесспорно одно: своим искусством, умением выиграть единоборство и выйти на ворота он держал в постоянном напряжении защитников противника, отвлекал на себя внимание нескольких из них, тем самым освобождая партнёров от опеки. Уже этим он приносил неоценимую услугу команде.

Художники КУКРЫНИКСЫ:

— Как бы хотелось сейчас видеть на футбольных полях таких виртуозов мяча, как Пётр Дементьев. Он играл живописно, изящно, с юмором.

С Петром Тимофеевичем Дементьевым, как и с Михаилом Павловичем Бутусовым, было связано много легенд. Причём каждая из них не плод досужей фантазии болельщиков. Когда мы, одиннадцатидвенадцатилетние мальчишки, наслышавшись от взрослых о необыкновенном футбольном умельце, с большим страхом и риском преодолевали один из заборов стадиона «Динамо», на котором красовалась страшная надпись «Злые собаки» и шли смотреть тренировку динамовцев, то вокруг поля было уже столько народу, что трудно было найти удобное место. В том 1937 году руководил командой М. Бутусов. Он сам выходил на поле, бил по воротам. А когда к мячу подходил П. Дементьев, всё внимание было приковано к его неповторимым финтам, приёмам обводки соперников, мягкому, но очень точному удару.

Когда кончалась тренировка и футболисты направлялись на пляж, за ними шли толпы болельщиков, и самый большой «хвост» был у Пеки, как любовно все его звали. Несмотря на свой небольшой рост и вес, залихватскую чёлку, Пека ка-

зался нам, мальчишкам, самым совершенным на земле человеком. За кажущейся лёгкостью и большим природным дарованием этого футболиста были годы упорных тренировок, которые и привели его к такому совершенству.

— Футбол начинается с детства, — говорит Пётр Тимофеевич. — Именно в мальчишеские годы проще всего научиться быть с мячом на «ты», овладеть своеобразными, присущими, возможно, тебе одному техническими приёмами. В детстве я не мог жить без мяча. Подружился с ним, когда мне было лет восемь, с помощью отца, работавшего мастером на текстильной фабрике (ныне это прядильно-ниточный комбинат имени С. М. Кирова). Я гонял мяч по нескольку часов в день — или во дворе нашего дома, на улице Красных Текстильщиков, или на соседнем стадионе. Одному было скучно, и я всегда искал партнёров среди сверстников. Мальчишкой частенько играл против взрослых.

Рост у меня небольшой, и я старался одолеть соперников за счёт обводки, скоростного прохода, дриблинга. Если ребята уезжали куда-нибудь за город, я выходил во двор один. Обводил деревья, «упражнялся» с обыкновенной садовой скамейкой: пропустишь мяч под лавочку, перепрыгнешь через нее и снова бежишь...

В начале своего спортивного пути, да и впоследствии, больше всего любил двусторонние игры, пусть даже при небольшом количестве участников — 4 на 4 или 3 на 3. Привыкал к тому, что нападающий должен не только ловко обвести защитника и ударить по воротам, — он обязан бороться за мяч, в случае неудачи превращаясь в защитника. С младшим братом Николаем, который тоже пристрастился к футболу, мы кропотливо изучали обводку, я заставлял его выполнять финты на большой скорости, твердил ему: «Бегай, бегай!» Вскоре вместе с Колей и... нашей сестрёнкой, которой была доверена защита ворот, мы устраивали матчи против целой ватаги

мальчишек, отрабатывая обманные движения в условиях «численного превосходства противника».

Хочу заметить, что определённых высот в технике мне удалось добиться, совершенно не занимаясь столь модным сейчас жонглированием мячом. К этому я всегда относился иронически, предпочитая оттачивать финты на хорошей скорости. Развитию скорости и вёрткости способствовали увлекательные игры с маленьким мячиком, к сожалению, теперь почти забытые детворой и подростками, — лапта, штандер, а также игра в «попа-загонялу». В фабричном доме, где жила наша семья, был широкий длинный коридор, где ребятам было разрешено играть с мячом. Мы устраивали здесь «матчи» трое на трое, отрабатывали игру головой, учились отбирать друг у друга мяч.

Когда мне исполнилось 13 лет, я уже играл за фабричные команды взрослых и, что греха таить, иной раз по две игры за день. Это вовсе не рекомендация нынешнему поколению, а просто констатация факта: я очень любил футбол.

...У матери Петра Дементьева Фаины Федоровны и отца Тимофея Дементьевича до революции родилось двенадцать детей. Выжило шестеро. Четыре брата — Александр, героически погибший незадолго до окончания Великой Отечественной войны, Иван, Пётр и Николай — были отличными спортсменами. А Пётр и Николай стали заслуженными мастерами спорта. Отец наставлял сыновей:

— Никогда не пейте ни водки, ни пива и ни в коем случае не курите. Будете здоровыми и сильными.

Братья никогда не нарушали этой заповеди. Видимо, и спортивное долголетие Петра и Николая Дементьевых прежде всего можно объяснить высокой требовательностью к себе и строжайшим соблюдением режима. Петру Тимофеевичу, например, принадлежит один из футбольных рекордов. Тринадцатилетним мальчиком в 1926 году впервые припёл он во взрослую команду, а почти в со-

рок лет, в 1952 году, — ушёл из большого футбола. Более четверти века играл П. Дементьев в самых классных коллективах. И как играл!..

— Как хотите, но прежний футбол мне нравился больше, — говорит Пётр Тимофеевич. — Красивее он был, изобретательнее, меньше грубой или, как её сейчас называют, силовой игры. Я никогда предохранительных щитков не надевал ни в футболе, ни в хоккее. И, по-моему, игроки как-то доброжелательней друг к другу были: забьёшь мяч, так тебя и соперники поздравят. Без

В 1932 году П. Дементьев провёл и первые свои международные матчи. Летом сборная работников электропромышленности Ленинграда встречалась со шведским клубом «АИФ Кунгсгалме». Ленинградцы победили со счётом 4:0. Три гола забил Пека. А осенью сборная Ленинграда принимала сборную Рабочего спортивного союза Германии. И тоже победила, и тоже большой вклад в успех своей команды внёс П. Дементьев.

В 1934 году команда Ленинграда отправилась на товарищеские игры в Норвегию. Первый матч со сбор-

лобзаний, как теперь, потому, видимо, что редко голы стали забивать...

Дементьева поздравляли часто и свои, и соперники. И было за что. В 1932—1935 годах П. Дементьев более пятидесяти раз выступал за сборные команды Ленинграда, РСФСР, СССР, а с 1936 по 1952 год сыграл 229 матчей в чемпионатах страны. Ему было присвоено звание заслуженного мастера спорта СССР, за высокие спортивные достижения он был награжден двумя орденами «Знак Почёта».

ной Норвегии в Осло ленинградцы выиграли с результатом 4:2 Два мяча были на счету П. Дементьева. У сборной города Драммена наши земляки выиграли с внушительным счётом 9:2, а напоследок так же уверенно обыграли в Осло сборную столицы — 9:0. Во всех этих состязаниях отлично играл маленький Пека. «Его мастерство просто неповторимо. Он один стоит доброй половины команды», — писала о нём тогда одна норвежская газета.

В 1937 году в Советский Союз приехали на товарищеские состязания с советскими командами футболисты революционной Испании, из страны басков. Интерес к этим матчам был огромен. Да и понятно: из 58 матчей с лучшими европейскими командами баски 37 выиграли, а 11 закончили вничью. Успешно начали они и своё турне по городам нашей страны. В первом матче гости победили со счётом 5:1 московский «Локомотив». Динамовцы столицы встретились с басками дважды и тоже проиграли 4:7 и 1:2. Победами испанцев закончились игры в Киеве, Минске и Тбилиси, и тоже с крупным счётом. Успешное выступление басков объяснялось не только высокой техникой, но более современной тактической расстановкой футболистов по системе «дубль ве», в то время как наши команды имели на вооружении устаревшую тактическую схему «пять в линию».

Каждый матч с басками превращался в своеобразный спортивный дружеский праздник. Так было и в Ленинграде, когда 1 июля 1937 года на переполненном стадионе имени В. И. Ленина с гостями встретилась сборная нашего города.

Когда Борис Ивин, капитан ленинградской команды, тепло приветствовала басков, над их головой пролетел самолёт и сбросил букет цветов почти к самым ногам Луиса Регейро.

Судья матча Н. Усов предложил разыграть ворота и право первого удара. Он заложил за спину руки, в одной из которых находилась монета, и первым предложил угадать гостю. Испанские футболисты стояли как раз за спиной Усова и крикнули Луису, где надо искать монету, воспользовавшись тем, что испанский язык ленинградский арбитр не знал. Испанцы выбрали себе ворота, меньше освещённые солнцем. А ленинградцы первыми ввели мяч в игру. Они сразу же предложили бурный темп. Блестяще играл Пётр Дементьев, ставший душой нападения. Ловкий и подвижной, он быстро и безупречно передавал мяч во все

направления, угадывая партнёра даже за своей спиной. На двадцатой минуте состязания правый крайний К. Сазонов метров с двадцати забил первый гол. Но после этого вратарь Бланко, стараясь реабилитировать себя за пропущенный гол, играл с утроенной энергией, отражал самые опасные удары.

Атаки ленинградцев не затихали. П. Дементьев и А. Кряжков ещё раз обвели защиту гостей и готовились завершить прорыв голом. Но один из защитников басков выбил мяч рукой из самых ворот. П. Быков пробил пенальти. Однако мяч попал в штангу. До перерыва всё же счёт стал 2:0 в пользу сборной Ленинграда. Мяч с хорошей подачи Дементьева забил Кряжков.

Баски сохранили полное спокойствие. После перерыва они тоже усилили темп, блеснули своей отточенной техникой. Скоро их комбинации охватили всё поле, и уже трудно приходилось нашим защитным линиям и вратарю И. Эвранову. Баски стали нервничать. Они сделали перестановку в своих рядах, укрепив правое крыло нападения Луисом Регейро и Горостицей. Прошло пятнадцать минут второй половины игры, и Педро Регейро головой сквитал один мяч. Вскоре И. Лонгара сравнял счёт. Боевая ничья. Она была почётна для ленинградских футболистов. А забей П. Быков пенальти, то неизвестно, как бы закончился этот интересный матч.

Дементьев сыграл целиком на пользу команде. В первом тайме он отличился как нападающий, а во втором — делил трудности обороны своих ворот от напора басков вместе с полузащитниками и защитниками. Недаром Луис Регейро сказал:

— Очень высока техника у нападающего Петра Дементьева. Это игрок самого высокого класса.

Дементьев ещё раз встретился с басками в Москве, когда они играли там со столичным «Динамо», усиленным ленинградскими одноклубниками. И снова заслужил высокую оценку. Одна из газет в отчёте писала: «Радовала публику пятёрка напа-

дения динамовцев, особенно пара С. Ильин — П. Дементьев». А несколько позже поэт А. Флит написал такие стихи:

*Дементьев Пека. Он сполен
Освоил технику вьюна.
И даже пламенные баски
Играли с ним не без опаски.*

Выступая в одной линии нападения рядом с знаменитым бомбардиром М. Бутусовым, П. Дементьев часто, взяв игру на себя и оттянув несколько футболистов, в заключительный момент давал Бутусову точный пас для завершающего удара. Как правило, такие комбинации заканчивались голом. Но Дементьев был не только хорошим партнёром, а и великолепным солистом, также умеющим точно поражать ворота соперников. На футбольном поле родился их дуэт, их творческое сотрудничество, равного которому нет больше, пожалуй, в нашем футболе.

— В 1934 году, — рассказывал М. Бутусов, — сборная Ленинграда провела два матча со сборной Одессы. В первом состязании Пётр Дементьев, как всегда игравший красиво и полезно, очень часто «выкладывал» мне мячи для удара, а мне ничего не оставалось, как забивать их в ворота. Так я стал автором пяти голов. В повторном состязании одесситы решили меня «закрыть наглухо» и приставили ко мне не одного, а несколько «сторожей». Более свободную игру получил Пётр, и его удары тоже были точными. Он забил три гола.

Один из мячей, забитых Дементьевым, был редким по красоте. Он обвёл нескольких одесситов, подкинул мяч себе на голову и, жонглируя

им, направился к штрафной площадке соперников. К нему устремился популярный одесский вратарь Н. Трусевич, умевший хорошо играть на выходах. Но маленький Дементьев обхитрил рослого голкипера. Ударом головы он перекинул мяч через не ожидавшего такого трюка Трусевича, догнал мяч за его спиной и на голове внес в пустые ворота.

Достигались такие «чудеса» за счёт умения оценить игровую ситуацию и применить наиболее рациональный и неожиданный для соперников приём.

И те, кто был с Петром Дементьевым рядом в поле, кто видел его мастерство с трибун стадионов, не перестанут восхищаться этим маленьким футбольным гигантом. Вот слова первого вратаря республики, нашего земляка, заслуженного мастера спорта Николая Евграфовича Соколова:

— Сейчас много говорят о Пеле. А я так считаю — в лице Петра Дементьева мы уже давно имели своего Пеле. Этот русоголовый ленинградец поистине был виртуозом. Отнять у него мяч практически было невозможно. Его дриблинг, его тончайшие и умнейшие передачи, его игра головой вызывали восхищение и всегда овацию на трибунах.

И поныне легендами овеяно имя заслуженного мастера спорта Петра Тимофеевича Дементьева. Жаль, что в годы его молодости наши команды не участвовали в чемпионатах Европы и мира, Олимпийских игр. А то бы, возможно, знаменитого Пеле называли бы сейчас бразильским Дементьевым.

Рис. Ю. Шабанова

ШЕРСТЯНЫЕ НОСКИ

С ДОМАШНИМ заданием Игорь наконец-то покончил, принялся теперь за пирог и заодно за интересную книгу про Исландию. Оказывается, остров на многие километры покрыт вулканической лавой, да и не просто лавой, а застывшим чёрным стеклом. Так волнами и застыло. Не верится даже...

Перевернул ещё одну страницу. Но тут его внимание отвлек тихий голос бабушки. Она что-то говорила маме в соседней комнате. Мама отвечала:

— Да хватит тебе! Вот ещё выдумала! Не говори глупостей!

Игорь насторожился. Мама никогда так не разговаривала с бабушкой. Тем более что бабушка в их семье была «самой главной». Без её совета не делали ничего. И если бабушка сказала «нет», когда папа и мама хотели купить телевизор, то это значило — ни за что не купят. Так и не купили.

Сейчас бабушка почему-то не рассердилась на маму, только немного чётче и внятнее сказала:

— Тебе не понять... Доживешь до моих лет — так же скажешь...

Игорь знал, что бабушке уже за восемьдесят. В прошлом году, когда праздновали её юбилей, с завода пришли несколько человек — поздравлять. И подарки принесли... Гостей было человек тридцать. И молодые, и старенькие пришли. Целый праздник устроили. Директор завода позвонил по телефону, поздравил.

И вот теперь в полуоткрытую дверь из соседней комнаты доносится тихий, но чёткий бабушкин голос:

— Если когда обидела чем невзначай... Или сказала не то слово — прости...

— Перестань, пожалуйста, — взмолилась мама, — а то я сейчас плакать буду! Ну, с чего ты взяла?! Скоро лето, поедem на дачу, отдохнёшь, опять себя хорошо почувствуешь и забудешь про эти разговоры...

— Нет, Катя... Сердце чует. Скоро конец. Вот только всем вам ещё довяжу по две пары шерстяных носков... И по свитеру... И как всё это кончу, так уйду насовсем...

— Куда ты уйдёшь?! — Мама уже чуть не плачет.

— Туда... — Наверное, за этим словом последовал какой-то жест, или бабушка пальцем показала. Но мама вышла из комнаты, закрыла за собой дверь.

— Что случилось? — растерянно спросил Игорь.

→ Умирать собралась твоя бабушка! — откликнулась мама.

Игоря будто кулаком кто по голове стукнул. С тех пор, как себя помнил, с ним дома всегда была бабушка. Мама и папа бывали только вечером и ночью; даже в выходные дни куда-то уезжали...

— А зачем? — сорвался с губ глупый вопрос, ну, ничего глупей не выдумаешь. Но ведь бабушка никогда не болела, все врачи считали её абсолютно здоровой...

Игорь встал. Осторожно, стараясь не шуметь, задвинул стул под стол и на цыпочках, боязливо приоткрыв дверь в бабушкину комнату, вошёл туда.

На простой табуретке у окна, опустив голову над вязаньем, сидела бабушка. Худощавая, совсем седая, в байковом домашнем халате, в войлочных туфлях. Очки на носу. Умное лицо с морщинами на лбу и щеках...

Спицы мелькали в её руках: понемножку, по строчечке выростал шерстяной носок. Толстая шерстяная нитка, вздрагивая и шевелясь, тянулась от мелькающих кончиков спиц к большому клубку в корзинке.

— Бабушка, ты заболела?

— Нет, роденький... — Голос у бабушки тихий, задушевный, грудной... Хочется закрыть глаза, прильнуть к бабушкиной голове, дышать ее седыми волосами, они всегда пахнут ароматным настоем леса: медянкой, ландышем, малиной...

— А почему ты маме так сказала?

— Время своё почуяла, — кротко вздохнула бабушка и поправила на голове чёрную косынку. — Когда моя мама почуяла в давние годы свой час, после того только неделю прожила. Ты, родной, про то не думай. Живи спокойно. Без конца никто не живёт. Вот довяжу этот носок — будет тебе готова пара на зиму. И вторую тебе ещё свяжу. И папе твоему — две пары... И маме твоей — две... И ещё по фуфайке тёплой каждому... или даже по две... Чтоб подольше хватило. И уйду...

УТРОМ ПАПА позвонил на завод, где работала бабушка. Самому директору. Тот часто позванивал, разговаривал с бабушкой о чём-то и о здоровье её спрашивал. Путёвки в санаторий предлагал, но бабушка никогда их не брала, всегда отдыхала на даче.

Узнав про неприятную новость, директор прислал из заводской поликлиники врача. Молодая красивая женщина в белом халате внимательно осмотрела бабушку. Предложила ей поехать в поликлинику

обследоваться. Бабушка не хотела, но папа одел её в новое демисезонное пальто, и бабушку увезли.

Обратно привезли часа через три.

Бабушка легла спать, а папа увёл маму на кухню и тихо сказал:

— Плохо дело...

— Заболела всерьёз?

— Нет. По всем показателям — абсолютно здорова.

— Что ж плохого-то?! — чуть не рассердилась мама.

— То-то и плохо, что ничего не болит, — тихо сказал папа. —

Врачи говорят: старческая истерия... Основанная на самовнушении и ещё на чём-то неизученном! Опасно! Внушит себе абсолютно здоровый старец, что скоро умрёт, и умирает.

— И нельзя вылечить?!

— Нет. Гипнозу она не поддаётся. Не внушаема.

ВСЕ СПЯТ. Только Игорь не спит. Дежит с закрытыми глазами. Ни читать, ни заниматься неохота. Жалко бабушку.

Чуть дыша, Игорь встал с постели, бесшумно оделся. Включил настольную лампу. Насторожённо поглядел на дверь в бабушкину комнату, подошёл к ней на цыпочках, прислушался... Вышел в прихожую.

Темно. Папа и мама спят: из-под их двери не видно полоски света. Вон в углу стоит алюминиевая раздвижная лесенка. Игорь поставил её впритык к стеллажу. Забрался на самый верх. Поискал там что-то. Вытянул из ряда книг толстую общую тетрадку в чёрной клеёной обложке.

Эту тетрадку Игорь знал хорошо: в ней папа записывал адреса своих близких и дальних родственников, их дни рождения...

— Так... — прошептал Игорь. — Можно начинать. — Он быстро достал авторучку.

«Здравствуй, дорогая тётя Шура!»

Задумался. Но только на минуту. Дальше ручка заскользила по белому листу и скоро добралась до самого низа. Игорь отложил листок в сторону и взял второй.

«Здравствуй, дорогой дядя Коля!» Дальше он просто переписал всё с первого листка. Третий лист начинался обращением: «Здравствуй, дорогой дядя Ваня!» Стопка исписанных листков быстро росла. Стопка чистых быстро уменьшалась.

...Только в полчетвёртого он надписал последний адрес на конверте.

ЧЕРЕЗ ТРИ ДНЯ пришло странное письмо. Писал дедушка Витя, младший брат бабушки, живущий где-то в Белоруссии. Он просил связать ему за лето пару шерстяных носков, а то и две... Потому что его жена Арина Федоровна порезала палец и вязать не может. А палец гноится, когда заживет — неизвестно. А у неё тоже мёрзнут ноги, и хорошо бы и ей связать такие же носки. Деньги на шерсть они вышлют сегодня же.

Прочитав письмо, бабушка сняла очки и улыбнулась усталой улыбкой:

— Помереть не дают. Ещё две недели сверх срока вязать придётся.

Игорь сидел в своей комнате. Теперь он надписывал на конверте: «В Научно-исследовательский институт Арктики и Антарктики...» На других конвертах — адреса каких-то далёких городов на севере... Даже адрес какой-то метеорологической станции на Памире...

НЕДЕЛИ ЧЕРЕЗ ДВЕ пришла сразу пачка писем. Писали родственники. Сообщали новости. Спрашивали о здоровье бабушки, всей семьи. И каждый в постскриптуме сообщал просьбу: бабушка Мария Григорьевна, пожалуйста, свяжите нам по паре носков шерстяных для всей семьи... Шерсть высылаем. Или: деньги на шерсть уже послали...

Позже пошли письма от незнакомых. Даже с грифами — названиями институтов, геологических партий, редакций газет. Корреспонденты газеты «Полярная правда» написали из Мурманска, что часто ездят в командировку, в холодные места и, конечно, шерстяные носки им не повредят... И прислали деньги на шерсть. Ровно столько, сколько пойдёт на пару или две пары носков.

Папа сначала волновался, потом начал сердиться и наконец его терпение лопнуло:

— Игорь! Это ты натворил?! Я тебя спрашиваю?..

— Я... — виновато отозвался сын.

— Твоя дурья голова больше ничего не могла придумать? — крикнула мама.

— Ничего... — вздохнул Игорь.

— До милиции дело дойдёт! — пообещал папа. — Я тебя выгораживать не буду. Знаешь, как это называется?! — грозно спросил он.

— Как?

— Запрещённый промысел!!! Так в законе, в Уголовном кодексе записано! — Папа грохнул по столу своим тяжёлым, как кирпич, математическим справочником.

Только бабушка ничего не сказала. Она достала из старого комода полученную вчера пенсию, подала Игорю:

— Возьми чемодан, поезжай на рынок и купи на все деньги белой шерсти. Эстонскую серую крашеную не бери. Купи белую, настоящую, некрашеную, она самая тёплая...

ПРОШЕЛ МЕСЯЦ. Второй...

Бабушка всё вязала шерстяные носки, свитеры, фуфайки, варежки. Если кто присылал готовую шерсть — из неё тоже вязала. А денег присланных не брала. Велела папе отсылать обратно.

Но через несколько дней те деньги приходили снова вместе с каким-нибудь подарком для Марии Григорьевны. А моряки с какого-то траулера прислали даже ящик селёдки — жирной-прежирной! И толстой-претолстой! Такой и в магазине никогда не бывает. Каждая селёдка с крупной икрой.

— Это не селёдка, — поморщился папа. — Большой вырос, а названия рыб не знаешь... Это лосось-молодняк!

Мама молча, с аппетитом ела незнакомую Игорю рыбу.

Бабушка тоже сидела за столом. Мазала икру на хлеб с маслом. Тоскливое выражение её глаз уже куда-то ушло, и теперь бабушкины глаза казались по-прежнему строгими, озабоченными и ласковыми...

Мама, ловко орудуя вилкой, торопливо сказала:

— Неудобно. Послали носки только для вахтенного штурвального. На вахте ведь — не один человек. Надо бы каждому в отдельности послать...

— Придумаешь, — недовольно проворчал папа. — Не может же она всей команде корабля по персональной паре носков вязать?

Игорь молча глядел на бабушку. Он думал: «Хорошо бы через газету сообщить всем-всем-всем: чтобы все-все-все, кому нужны носки, прислали заказ бабушке. Тогда она была бы совсем бодрая... И никогда бы не умирала».

В. ТРИФОНОВ

Н О В О Г О Д Н Е Е

*Весёлые снежинки
Танцуют на ветру.
Снежинки-хорошинки
Слетелись к фонарю.*

*По улицам машины
Торопятся, спешат,
Следы от каждой шины,
Как ёлочки, лежат.*

*Не грея синий воздух,
Мигая вразнобой,
Игрушечные звёзды
Взошли над головой.*

*И, снарядившись на ночь,
С улыбочкой в усы,
Сам Дед Мороз Иваныч
Промчался на такси.*

НА МАРКАХ- ТВОЙ ГОРОД!

С каждым годом всё увеличивается и увеличивается выпуск марок почтовыми ведомствами стран мира. Собрать все эти красочные миниатюры нет возможности. Это и заставило собирателей почтовых марок перейти к тематическому коллекционированию.

Тем — десятки. Многие коллекционеры «хотят» за марками, на которых изображены примечательные здания и сооружения. Но и таких почтовых знаков издано столь много, что тему «Архитектура» филателисты разбивают на подтемы. Одни собирают только марки, на которых запечатлены старинные здания. Например, виды Кремля в Москве, в Новгороде и других древних городах нашей Родины, дворцы, дома, построенные русскими умельцами из дерева. Другие собирают марки с изображениями древних башен, третьи — только с видами телевизионных башен. Одним словом, каждый коллекционер выбирает себе тему, а иной раз две-три темы, по душе.

Один мой знакомый, Лёша Комаров, начал собирать марки с пятого класса. Выбирал то одну, то другую тему, потом охладевал к ним, переходил к третьей. К окончанию школы у него уже была весьма внушительная коллекция в двух больших альбомах. Сотни марок.

— Лёша, — спросил я его, — по какому принципу ты собираешь почтовые миниатюры для своей тематической коллекции?

— Меня интересуют абсолютно все марки, относящиеся к нашему городу, — ответил Комаров.

Альбомы подтвердили эти слова. В коллекции представлены архитектура Ленинграда, революционные события, происходившие в Петербурге—Петрограде—Ленинграде, портреты выдающихся деятелей, родившихся или умерших на берегах Невы. Конечно, в коллекцию входят портреты героев обороны Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. Входят и марки, посвящённые различным культурным событиям. Например, есть марка с изображением сцены гоголевского «Ревизора». Ведь эта бессмертная комедия впервые была поставлена в Петербурге на сцене бывшего Александринского театра (ныне имени А. С. Пушкина). На одном из почтовых знаков помещён портрет великого украинского поэта Тараса Шевченко, и рядом его знаменитая книга «Кобзарь». Впервые её напечатали в Петербурге. Сам автор умер в нашем городе.

На Васильевском острове есть старинный дом, на фасадах которого укреплено более двадцати мемориальных досок. Здание это называют «домом русских академиков». Мемориальные доски напоминают о крупнейших учёных, живших и творивших здесь. Изображения самого этого удивительного дома ещё нет на марках, но портреты многих светил науки, живших в нём, увековечены на почтовых миниатюрах. Это знаменитые учёные академики — геолог Карпинский, физиолог Павлов, математик Ляпунов и многие другие. Лёша Комаров в своём альбоме отвёл выдающимся обитателям «дома русских академиков» отдельную страницу.

Но, конечно, самое большое место занимают в его коллекции марки Ленинианы. Их много. Это портреты Ильича, относящиеся к тем годам, когда он жил в Петербурге—Петрограде. Это марки с изображением Ленина, возвратившегося 3 (16) апреля 1917 года из эмиграции в красный Питер. Ленин в Смольном. Воспроизведена на марке первая фотография Владимира Ильича, сделанная после победы Октябрьской революции. Памятники Ильичу. Предприятия и сооружения, носящие имя Ленина, например, Ленинградский метрополитен...

— А много ли таких марок, связанных с твоей темой — «Ленинград», выпускает Министерство связи СССР! — спросил я у коллекционера.

— Почти каждый год приносит мне значительное пополнение.

— В 1973 году были выпущены такие миниатюры!

— Конечно, вот посмотрите, — ответил Лёша и раскрыл альбом.

Давайте и мы познакомимся с марками, которыми в этом году пополнил свою коллекцию Лёша Комаров.

Одной из первых вышла в свет марка, посвящённая тридцатилетию прорыва блокады Ленинграда. Вооружимся лупой, чтобы получше разглядеть, что на ней изображено. Перед нами военная карта, на которой мы видим линии двух фронтов — Ленинградского и Волховского. Виден на ней и город Шлиссельбург, захваченный в 1941 году фашистами. Со всех сторон блокирован город Ленина. Открыта лишь часть берега Ладожского озера. Через это озеро, по ледовой Дороге жизни, наша страна помогала осаждённому городу. Тысячи автомобилей доставляли продовольствие и военное снаряжение сражающимся ленинградцам. Но фашисты были рядом, гитлеровская авиация постоянно кружила над Ладогой. Трудной и опасной была Дорога жизни. Надо было во что бы то ни стало прорвать блокаду, чтобы хоть где-нибудь установить связь Ленинграда с Большой землей по суше. Два фронта готовились к этой исторической битве. В январе 1943 года блокада была прорвана. Посмотрите на марку, на стрелы, изображённые на карте, и вы увидите, куда нацелились воины Ленинградского и Волховского фронтов. Очень жестоком было это сражение. Взломав фашистское кольцо в районе Шлиссельбурга, воины двух фронтов соединились, освободив Шлиссельбург. Назавтра же началось строительство моста через Неву, а вскоре проложена железная дорога, связавшая наш город со страной. Невелика новая почтовая марка, но на ней запечатлена подлинно героическая история.

Две марки посвящены двум выдающимся революционерам, жившим и борющимся в нашем городе. В 1973 году отмечалось столетие со дня их рождения. На первой воспроизведён портрет слесаря бывшего Семяниновского завода (ныне Невский машиностроительный завод имени В. И. Ленина) Ивана Васильевича Бабушкина. Он был одним из любимейших учеников Владимира Ильича. Бабушкин занимался в одном из первых рабочих марксистских кружков, которым руководил Ленин. И по сей день за Невской заставой сохранился на Ново-Александровской улице небольшой двухэтажный деревянный домик под № 23, в одной из комнат которого происходили занятия ленинского кружка. Владимир Ильич сумел воспитать Бабушкина волевым революционным борцом. Когда Ленин и многие его сподвижники были схвачены жандармами, Бабушкин оставался некоторое время на свободе и продолжал революционную работу. Но вскоре и его арестовали.

В далёкой Сибири, выполняя задание партии, Бабушкин вёз в Иркутск оружие для революционного выступления, но царские каратели напали на след Бабушкина и его товарищей. Без суда и следствия их повели на расстрел. Офицер, командовавший карателями, подошёл к Ивану Васильевичу, спросил:

— Фамилия!

— Неизвестный, — ответил Бабушкин и с вызовом посмотрел на палача.

Раздался залп. Павшему герою-революционеру было всего тридцать три года.

На второй марке изображена Елена Дмитриевна Стасова. Она — внучка знаменитого русского зодчего Василия Петровича Стасова, по проекту которого возведены замечательные здания, и поныне украшающие наш город. Дядей Елены Дмитриевны был знаменитый искусствовед Владимир Васильевич Стасов, а отец Дмитрий Васильевич — известный в России юрист-демократ. Все трое — дед, дядя и отец — были долгожителями, продолжавшими трудиться до самых последних лет своей жизни. Такой же неугомонной долгожительницей была и Елена Дмитриевна, умершая 94 лет от роду.

В ранней молодости она включилась в революционную работу, которой и отдала всю свою замечательную жизнь. На Фурштадтской (ныне улице Петра Лаврова), в доме № 20, находилась квартира ее отца. Здесь Елена Дмитриевна хранила под-

полную литературу, а, случалось, оружие и другое боевое снаряжение. Ленин очень уважал эту женщину, беспредельно преданную революции. Он неоднократно бывал у Елены Дмитриевны, а летом 1917 года, когда за вождем большевистской партии охотились ищейки Временного правительства, Владимир Ильич в течение некоторого времени скрывался на квартире Стасовых.

Советская почта выпустила красочную серию марок, посвящённую краснознамённым и гвардейским кораблям Военно-Морского Флота СССР, отличившимся в боях за Родину. На двух миниатюрах краснознамённый линейный корабль «Октябрьская революция» и краснознамённый крейсер «Киров». Кто из советских людей не знает этих прославленных боевых кораблей Балтики!.. Военные моряки ласково называли линкор «Октябрьская революция» Октябрьиной. Ведь это бывший «Гангут», на борту которого ещё осенью 1913 года произошло восстание против произвола, царившего на флоте.

В 1917 году матросы с «Гангута» сошли на берег, чтобы вместе с рабочими, солдатами, красногвардейцами принять участие в Великой Октябрьской социалистической революции. Многих гангутцев можно было встретить на всех без исключения фронтах гражданской войны.

Линкор «Октябрьская революция» долгие годы был флагманом, головным кораблём, Краснознамённого Балтийского флота. А в Великую Отечественную войну этот корабль-крепость с мощной артиллерией крупного калибра был могучим бастионом, оборонявшим город Ленина.

Славен и краснознамённый крейсер «Киров».

Когда этот крейсер ещё закладывался, рабочие попросили дать кораблю славное имя «Киров».

В годы войны фашистские газеты и радио не раз объявляли, что лучший балтийский крейсер потоплен. Но это была наглая ложь, «Киров» не только не был потоплен, но во многих боях стойко отражал атаки гитлеровских кораблей и авиации. Матросы с гордостью распевали свою корабельную песню:

*Если спросят, откуда ты родом,
Ты ответишь, наверное, так:
— По службе своей и походам
Я с крейсера «Киров» моряк!*

Вышла в свет ещё одна морская марка. На ней также изображён корабль, но уже не военный. На фоне восточного и западного полушарий воспроизведён недавно вступивший в строй новый трансатлантический лайнер «Михаил Лермонтов». Лёша

Комаров поместил эту марку рядом с другой, ранее выпущенной почтовой миниатюрой с изображением такого же лайнера «Александр Пушкин», регулярно плавающего по океанской дороге из Ленинграда в порты Канады.

«Михаил Лермонтов» несёт свою морскую службу на другой линии: Ленинград—Нью-Йорк. Оба корабля — ленинградцы, они приписаны к Ленинградскому торговому порту.

Новый лайнер — замечательный корабль, настоящий плавучий город. Здесь и прекрасные каюты, и магазины, и бассейны для плавания, и концертные залы, и кино-театр...

В декабре исполнилось двести лет со дня основания одного из старейших в стране высших учебных заведений, Ленинградского Горного института имени Г. В. Плеханова. Здесь учились многие знаменитые учёные — бывший президент Академии наук СССР, отец русской геологии А. П. Карпинский, другой выдающийся геолог, академик И. М. Губкин, известный металлург, академик М. А. Павлов. В своё время учился здесь и крупнейший русский марксист Г. В. Плеханов, чьё имя носит институт-юбилей.

Здание Горного института — одно из прекраснейших архитектурных сооружений нашего города. Построено оно по проекту знаменитого русского зодчего Андрея Воронихина. Изумительный по красоте двенадцатиколонный портал Горного института и воспроизведён на юбилейной марке. В левом верхнем углу миниатюры изображена старинная эмблема горняков — щит с молотком и киркой, поисковыми орудиями геологоразведчиков.

Есть в альбомах Лёши Комарова несколько листов, где размещены, пожалуй, самые красивые марки его коллекции. И неудивительно. Это — почтовые знаки с многоцветными репродукциями картин, написанных петербургскими и ленинградскими художниками, а также полотен, созданных старыми живописцами и хранящимися в Эрмитаже и других музеях Ленинграда. И в этот раздел Лёша получил пополнение. На одной очень красивой и великолепно отпечатанной миниатюре воспроизведён фрагмент знаменитой картины выдающегося русского художника Василия Сурикова «Покорение Сибири Ермаком». Это гигантское полотно хранится в Государственном Русском музее. Из-за размеров картины нельзя было воспроизвести её на марке целиком, получилось бы очень мелко.

На другой марке воспроизведена репродукция картины, которая выставлена в Государственной Третьяковской галерее в Москве. Почему же миниатюра попала в коллекцию «Ленинград»? Картина называется «Письмо с фронта». Изображена сцена, когда только что полученное письмо от сражающегося с фашистами отца читает его сын пионер. А попала марка в альбом Комарова потому, что создал эту картину художник А. Лактионов. Долгие годы он жил в нашем городе, учился в институте имени Репина и был любимейшим учеником известного ленинградского художника И. И. Бродского.

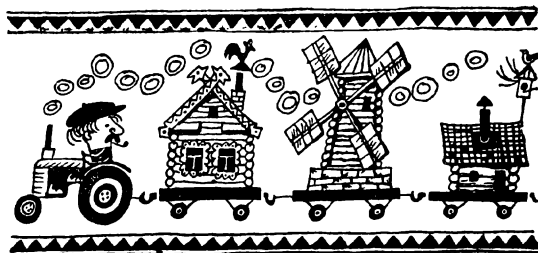
Хорошее пополнение в альбомах моего молодого друга!

МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК НА ОСТРОВКАХ

В нашей области создаётся архитектурно-этнографический музей-заповедник. Место для заповедника выбрано на правом берегу Невы, на Островках.

Под государственной охраной в нашей области находится несколько десятков ценных памятников деревянного зодчества. Однако, как выяснили поисковые отряды, выявлено дополнительно около 400 интересных памятников — ансамбли, усадьбы, жилые и хозяйственные постройки. Они, как правило, располагаются в глухих местах, удалённых от

крупных центров, малодоступны для реставрации и для туристов. А дерево — материал легко поддающийся разрушению. Поставлена цель — из разбросанных по области сооружений создать единый музейный комплекс, где будут не только уникальные здания, но и целые старинные русские деревни с мельницами, амбарами и баньками. В домах будет восстановлен интерьер с предметами быта.

В первую очередь решено перенести в музей-заповедник деревянные сооружения Волноволокского погоста Подпорожского района и некоторые жилые и хозяйственные постройки близлежащих деревень. Вначале будет освоена территория в пять гектаров.

ФУТБОЛ ПРОНИК В... ВАТИКАН!

В самом крохотном государстве мира проведён первый чемпионат по футболу, принёсший победу команде Ватиканского музея. Учреждена должность специального советника папы по спортивным вопросам. Организована группа для комплектования сборной футбольной команды, которая будет заявлена для участия в розыгрыше первенства мира 1978 года.

ВОКРУГ СВЕТА НА... ПОПУТНЫХ!

17-летняя англичанка Венди Майерс совершила кругосветное путешествие. Оно продолжалось семь лет, ибо для передвижения между городами и странами Венди избрала метод так называемого «хитчхайкин», то есть «голосовала» на дорогах.

Девушка прошла через Европу, пересекла Африку, побывала в Индии, Камбодже, в Южном Вьетнаме и ДРВ, бродила по Филиппинам, плыла на лодке по Амазонке, прошла от одного берега Южной Америки до другого, проехала через Китай, а затем через Советский Союз вернулась в Европу.

В пути у неё было много приключений и интересных встреч.

...в 1900 году наша планета насчитывала всего 300 городов с населением более 100 тысяч жителей! В 1950 году их число возросло до 700, а в 1972 году — до 1872. На первом месте по числу городов с населением более 100 тысяч жителей идут США [264], затем Советский Союз [224], Япония и Индия [156], КНР [143], Бразилия [77], Мексика [61]. В Европе (не считая СССР) 396 городов с населением более 100 тысяч жителей.

★

...12-летний английский школьник по имени Кросби из Уэльса изобрёл устройство, которое поможет бороться с попытками угона самолётов! Английские авиакомпании серьёзно отнеслись к изобретению и тут же его строго засекретили. Пока лишь известно, что изобретённая школьником система позволяет пилоту незаметно поддерживать радиосвязь с наземной диспетчерской службой.

★

...на 3-й обогатительной фабрике объединения «Якуталмаз» в Мирном поднят самый крупный алмаз из числа найденных в Советском Союзе до сих пор! Драгоценный камень весит 232 карата. Это правильной формы кристалл чистой воды. Первым по величине из добытых в Мирном ранее был алмаз «Мария» весом 105,9 карата, его нашли в 1966 году. Вторым — алмаз весом 51,6 карата, найденный в 1963 году. Последняя находка сделана в канун Дня Воздушного Флота СССР, поэтому чудо-камню дано имя «50 лет Аэррофлота».

★

...шить можно без... ниток и иголки! Оригинальное устройство для обычной швейной машины разработали учёные. Оно состоит из генератора мощностью 40 ватт и ультразвуковой сварочной головки. Машина может шить, а точнее, сваривать любые синтетические материалы. В зависимости от толщины материала она прошивает от двух до шести слоёв со скоростью шесть метров в минуту.

★

...началось строительство самого длинного забора в стране! Он оградит железнодорожный путь между Ленинградом и Москвой, по которому пройдёт самая скоростная трасса в нашей стране. Недалеко то время, когда по этой магистрали экспрессы «Русская тройка» будут покрывать за час 200 километров. При такой скорости появление на железнодорожном полотне человека или животного вызовет катастрофу. Вот и решили исключить любую случайность.

★

...во время раскопок вблизи города Разлога болгарские археологи обнаружили скелет необычного человека! В его черепе имеется только одна глазница в центре лобной части. Длина скелета — 172 сантиметра.

★
...в Кракове (Польша) найдено большое кладбище мамонтов, относящееся к эпохе палеолита! Эта находка пока единственная в Польше и третья в Европе. Археологи считают, что кости мамонтов были собраны доисторическим человеком и служили ему строительным материалом.

★

...на Брюссельской выставке изобретений одна парижская фирма продемонстрировала оригинальный спичечный коробок! Стоит нажать на кнопку — из него выскакивает и зажигается спичка.

★

...в морской воде содержится столько солей, что если их выпарить и равномерно рассыпать на поверхности земли, то толщина слоя составит почти 45 метров! Эти соли содержат огромное количество многих элементов. Только золота в воде растворено столько, что на каждого жителя земли его приходится почти по три тонны.

★

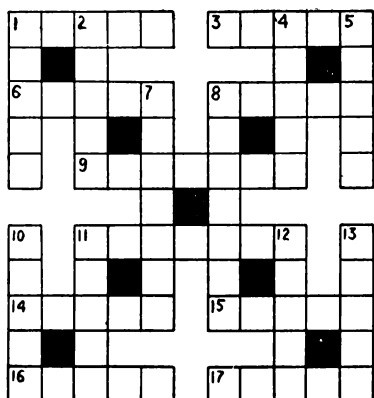
...болгарин А. Гидиков превзойдённый микрограф! Вначале он на одной стороне почтовой открытки написал 36 тысяч слов. Затем, непрерывно совершенствуя своё мастерство, он воспроизвёл на одной стороне трёх открыток полный текст драмы Шекспира «Гамлет».

★

...этим летом в Центральной Европе при неожиданном наступлении холодов погибли тысячи ласточек! Однако 80 тысяч их было собрано, отогрето и отправлено в Венецию на самолётах. Там птиц выпустили на волю.

КРОССВОРД

По горизонтали. 1. Писатель, автор «Малахитовой шкатулки». 3. Помещение для стоянки автомашины. 6. Французский композитор, написавший оперу «Лакме». 8. Рынок. 9. Мужской голос, средний между тенором и басом. 11. Простая мебель. 14. Семизарядный револьвер. 15. Плод. 16. Работа всей команды на корабле. 17. Употребляемая в Средней Азии чашка для питья — конусовидная, без ручки.

По вертикали. 1. Часть ноги. 2. Канал для стока дождевой воды, сделанный из свёрнутого листового железа. 4. Донской казак, возглавивший восстание в России в XVII веке. 5. Популярный советский киноартист. 7. Ударный музыкальный и сигнальный инструмент. 8. Соединение из нескольких артиллерийских орудий. 10. Сквозная, сильно проклеенная ткань, по которой вышивают узоры. 11. Великий писатель Индии. 12. Дождевка. 13. Столица Чехословакии.

МАГИЧЕСКИЙ КВАДРАТ

Какие буквы нужно вписать в пустые клетки, чтобы получилось пять пятибуквенных слов и каждое из них читалось дважды — один раз по горизонтали и один раз по вертикали?

Отдел ведёт Вадим Аментьев

АРИФМЕТИЧЕСКИЙ РЕБУС

$$\begin{array}{r}
 \times \quad \bullet \bullet \bullet \\
 \quad \quad 3 \bullet \bullet \\
 \hline
 \quad 33 \bullet 3 \\
 \bullet \bullet \bullet \\
 \bullet \bullet 3 \bullet \\
 \hline
 \bullet \bullet \bullet \bullet 3 \bullet
 \end{array}$$

В примере на умножение, который изображён на этом рисунке, все цифры кроме «троек» заменены точками. Попробуйте определить перемножаемые трехзначные числа, если известно, что произведение больше ста тридцати тысяч.

З				Н
	К		Л	
		Л		
	Л		Ф	
Н				З

ПОИСК ЗАКОНОМЕРНОСТИ

Найдите среди этих четырёх фигур одну «лишнюю» — не обладающую каким-либо признаком, свойственным остальным фигурам.

Задача имеет четыре решения, причём «лишней» будет в каждом случае другая фигура.

Проверь себя

(Ответы к «Искорке» № 11)

ДВОЙНАЯ ЗАДАЧА

1. Кроссворд. 2. Доза. 3. «Аида». 4. Акр. 5. Рапсодия. 6. Ява. 7. Ангара. 8. Аренда. 9. Агроном. 10. Моа. 11. Айва. 12. Ананас. 13. Сифон. 14. Нарзан. 15. Нива. 16. Автор. 17. Рвение. 18. Ежевика.

По горизонталям. Все за одного, один за всех; коли с правдой, так не один.

ДОМИНО

5—5, 4—0, 4—4, 1—5, 4—1.

МАЛЕНЬКИЙ РЕБУС

Каштанка. Чехов.

Содержание

Снегопад. Стихотворение. Василия Фетисова	1
Сиракузовы против Лацинних. Окончание повести Якова Длуголенского	2
Гармошка Стаханова. Стихотворение Иосифа Курлата	17
Мятежные полки идут к Сенату. Очерк. Я. Гордина	18
Это корабль. Статья В. Муница	28
Вокруг кувшина. Окончание повести Д. Ильякова	34
Будильник. «Тимуровец». Верблюд. Стихи Николая Красильниково	45
Волшебник кожаного мяча. Очерк В. Семёнова	46
Шерстяные носки. Рассказ Н. Дзгоева	52
Новогоднее. Стихотворение В. Трифонова	56
На марках—твой город. Статья Э. Миронова	57
Пёстрые заметки	61
Клуб смекалистых ребят	63

На 1-й странице обложки рисунок художника Ю. Бочкарёва «Пять минут до маскарада».

На 2-й странице обложки фотоэтиюд Н. Карасёва «Снежный человечек».

На 3-й странице обложки загадочная картинка художника П. Вискова.

На 4-й странице обложки рисунок художника Ю. Шабанова «Лесной патруль».

Редактор В. Л. БИАНКИ

Редактор-составитель В. Н. СУСЛОВ.

ОБЩЕСТВЕННАЯ РЕДКОЛЛЕГИЯ: А. Е. Власов, Н. А. Внуков, И. Л. Дворкин, К. И. Курбатов, А. М. Млодик

Адрес редакции: Ленинград (191023), Фонтанка, 59, комн. 444. Телефон: 12-87-55

Сдано в набор 5/XI 1973 г. Подписано к печати 11/XII 1973 г. 4 п. л. М-16239. Зак. 421. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Цена 10 коп. Тираж 65 000 экз.

Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского Лениздата Ленинград, Фонтанка, 57.

ВОТ ПОЛОЖЕНИЕ КАКОЕ:
СНЕГОВИКОВ ЛЕПИЛИ ДВОЕ,

И ОБА ГДЕ-ТО РЯДОМ ТУТ,
И ОБА ЖДУТ, КОГДА НАЙДУТ!

Цена 10 коп. Индекс 73735

